

Нина Васина Глинтвейн для Снежной королевы

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172575
Глинтвейн для Снежной королевы: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08189-5

Аннотация

Снежная королева увезла Антошу после кремлевской новогодней елки. Мальчик, надевший только что выигранные роликовые коньки, прицепился к ее повозке, чтобы рассмотреть играющих в ней карликов... Лера наклонилась за упавшим подарком, а когда выпрямилась, брата рядом уже не было. Следователь Самойлов сообщил безутешным родителям, что Антоша – вовсе не их сын и был похищен своим биологическим отцом. Их ребенок умер при родах, и главврач роддома Маруся, по совместительству подруга Лериной матери, подменила его собственным сыном. Маруся вынашивала его за деньги, но заказчики отказались от малыша, узнав об аномалии – зачатках крыльев на спине. Леру мало волновали все эти страсти. Она знала только одно: надо найти брата. А поможет ей следователь Самойлов, тем более в его практике это уже не первый случай пропажи людей с врожденными аномалиями...

Содержание

Лера	4
Мама Муму	7
Щенок	8
Ссора	11
Роды	13
Англичане	16
Паника	18
Цензура	20
Элиза	22
Кукушка	24
Коровушка	26
Зеркало	28
Гарантии	31
Упорство	34
Перемены	38
Баба Яга	40
Медведь	42
Козленочек	44
Деньги	46
Боль	51
Увлечения	52
Спокойствие	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Нина Васина

Глинтвейн для Снежной королевы

*– Правда ли, что он умер и не вернется больше?
– Он не умер! – отвечали розы. – Мы ведь были под землей, где
лежат все умершие, но Кая меж ними не было.
Г.-Х. Андерсен*

Лера

Однажды пасмурным осенним вечером, когда ветер особенно жалобно воеет у высоковольтных столбов, заставляя натянутые струны проводов гудеть и содрогаться, а бездомные собаки предпочитают быстро прошмыгнуть в дверь подъезда, наудачу открытую кем-то из отчаянных жильцов, мужчина и женщина за ужином спросили свою маленькую дочку, кого она хочет – сестренку или братика.

Разговор происходил на кухне. Над круглым столом, застеленным поверх скатерти клеенкой с цветочками, низко висела лампа с оранжевым абажуром. Девочка, чертившая ложкой по остаткам манной каши на дне тарелки, подняла глаза и посмотрела на родителей с тем выражением преждевременного для ее возраста понимания и прощения, которое у большинства пап и мам вызывает вполне естественный испуг и – как следствие – неоправданное раздражение. У присутствующих же мужчины и женщины ее взгляд вызвал очередной приступ умиления: они старались придерживаться той прогрессивной теории воспитания, по которой каждый ребенок – это гость, пришелец, посетивший наш мир на счастье присутствующим, и относиться к нему следует как к равному либо как к существу, познающему окружающую его жизнь с непостижимостью собственной логики.

– Я хочу собаку, – сказала девочка, подумала, вздохнула и уточнила: – Сенбернара. Но если это слишком хлопотно, можно хотя бы маленького котеночка?

– Она сказала «слишком хлопотно!» – умилилась мама.

– Мы должны были иначе сформулировать вопрос, – вступил папа. – Она же у нас редкая умница, а мы с нею опять общаемся в рамках общепринятой банальности.

– Вы собираетесь еще размножаться? – уточнила девочка.

Замолчавшие родители, оторопев, посмотрели друг на друга, подбирая выражения за рамками общепринятой банальности.

– Понятно, – вздохнула девочка. – Вы уже все сделали.

Папа попытался выяснить степень ее осведомленности о процессах размножения млекопитающих.

– В смысле... – начал он, – ты хочешь сказать, что мы сделали... А что мы, собственно, сделали такого?...

Он замолчал, потому что мама толкнула его под столом коленкой.

– Да ясно, что, – кивнула девочка. – Вы перестали охраняться, и мама забеременела. Можно мне теперь банан?

– Ты так разговариваешь с нами, – заметила мама, подвигая дочери тарелку с бананом, – как будто мы в чем-то виноваты. Это наше с папой решение, наш выбор...

– А зачем тогда вы меня спрашиваете?

Переглянувшиеся родители кивнули друг другу с некоторым удовлетворением: с логикой у девочки все в порядке.

– Мы хотели узнать, кого ты хочешь – девочку или мальчика, – нашелся папа.

– Все это ерунда, – заметила девочка, осторожно снимая с банана узкую ленточку кожуры. Потом она аккуратно отодвинула оставшуюся оболочку от белой мякоти и медленно начала есть, методично срезая ложечкой понемногу с доступной поверхности банана.

– Почему – ерунда? – удивилась мама, замороженно следившая за ее действиями.

– Во-первых, – заметила девочка, – никакой это не ваш выбор. Мама пьет таблетки, чтобы не было детей. Значит, *забеременение* получилось случайно. Во-вторых, нельзя заказать мальчика или девочку по своему желанию.

Папа взял задрожавшую руку мамы, сжал ее легонько и успокаивающе объяснил:

– Лерочка видела, что ты регулярно принимаешь таблетки. Она меня спросила летом, не больна ли ты. И я рассказал о преимуществах планирования деторождаемости в семье.

– И о проценте погрешности, – кивнула девочка.

– Да, – кивнул папа, – и о проценте погрешности.

– Получается, что у вас сейчас случился этот самый процент, – Лера продолжала бесцерочно поражать родителей своим ясным умом и логикой. – А теперь вы меня спрашиваете, чтобы я тоже была в этом замешана, да?

– Как это? ... – не выдержала мама и выпустила-таки из сердца отчаяние, трепыхавшееся там с самого начала беседы. Отчаяние вытекло из глаз двумя небольшими слезинками, задержалось было на щеках, но потом капнуло на ее правую ладонь. Тогда мама отняла свою левую руку у папы и растерла мокрое отчаяние по тыльной стороне правой.

Лера выела ложечкой весь банан и принялась соскребать с внутренней части кожуры белую мякоть тонкими длинными полосками. Брала эти полоски пальцами и закладывала в открытый рот с торжественностью жертвоприношения.

Папа, отслеживающий каждое ее движение, от такой серьезной непосредственности потеплел взглядом и ободряюще обнял жену за плечи.

– Валька, не усугубляй! – серьезно попросил он. – Тебя всего лишь спросили, кого ты хочешь – сестру или братика.

Валькой Леру называли, когда ее действия считались неправильными. Это было совсем не обидно, потому что маму звали Валентиной, а папу – Валентином. Иногда из-за одинаковых имен родители представлялись маленькой Валерии одним существом.

– Вы что, хотите ребенка? – продолжала «усугублять» Лера. – А папа летом говорил, что второго ребенка нужно заводить, когда у первого установится психическое и физиологическое восприятие мира. Папа сказал, что оно у меня должно установиться к школе.

– Ты так говорил? – вскинула глаза мама и посмотрела на мужа совершенно незнакомым взглядом.

– Ну да, – растерялся муж. – Я говорил, что в семье важные решения должны приниматься совместно, и Лера должна так же отвечать за свой выбор, как и мы...

– Если вы считаете, что у меня уже установилось это самое восприятие мира, значит, я могу ухаживать за собакой. Я согласна на спаниеля. Я подумала и поняла, что сенбернара мне не осилить. Если с ним что-то случится и он упадет, раненный, на дороге, я не смогу взять на руки такую большую собаку и отнести ее в безопасное место. А спаниель – самое то! – Лера серьезно посмотрела на родителей – по очереди в глаза одному и другому.

– Твой папа говорил неправильно, – бесцветным голосом заметила на это мама Валя. – Решение о ребенке принимают те, кто в состоянии ребенка зачать и воспитать. Ты не можешь принимать участие в его рождении.

– Но можешь помогать нам ухаживать за маленьким, когда он родится, – поспешил папа загладить неприязнь в тоне мамы.

– Так нечестно, – воспротивилась Лера. – Принимать решение я не могу, а ухаживать могу, да? Давайте заведем собаку и поделим ответственность. Я буду ухаживать за собакой, а вы за ребенком.

– Почему мы все время говорим о собаке?! – повысила голос мама.

– А вы мне так и не ответили! – повысила голос Лера. – Вы хотите ребенка или сдаетесь перед погрешностью? А как же планирование семьи? Он должен был родиться, когда я пойду во второй класс! А перед школой мы по плану должны завести собаку!

Мама Валя вскочила и закричала, взмахнув руками, что ее тошнит от слова «собака». Она задела абжур, и тот резко качнулся, дробя пространство небольшой кухни на асимметричные отрезки освещенного и неосвещенного пространства, и тень от бахромы металась по клеенке, словно призрачные щеточки сновали туда-сюда, зачищая грязную посуду, потемневшую пустую кожуру банана и забытый чай папы Вали в стакане с серебряным подстаканником.

Мама Муму

Мама ушла сердиться в спальню, папа отправился следом – успокаивать ее, а Лера позвонила маме Муму. Уже через пять минут та пришла. В халате, в домашних тапочках, уютно укутанная в пуховой платок, с капельками дождя в пышных волосах, уложенных в высокую прическу с небрежной элегантностью выпадающих шпилек. Мама Муму жила в соседнем подъезде, давно знала родителей Леры и выкормила девочку своим молоком.

– Ну вы, придурки, – заметила она с ходу, едва прикрыв за собой двери спальни. – Отсидели все свое воображение в офисах, да? Неужели нельзя было сыграть с малышкой по ее правилам?

– Ка-ак эт-то? – всхлипывала мама.

– Как это, как это! Да очень просто. Дождаться большого живота, стенать, что сама не справишься, что не к кому тебе обратиться за помощью, бедной, несчастной – папочка на работе деньги зарабатывает; что ты наверняка помрешь при родах, а если не помрешь, то маленький ребенок сживет тебя со света! Да малышка бы первая предложила свою помощь и участие, что, я Лерку не знаю!

– Мы относимся к Валерии с надлежащим уважением и пониманием, и нам совершенно незачем разыгрывать фарс. Мы должны разговаривать с нею, как с равной, – решительно отменил подобное лицедейство папа Валя.

– Ах, как с равной! – рассердилась мама Муму. – Так сказали бы честно, что маменька залетела, несмотря на предохранение, а аборт – дело сложное и небезопасное, тем более что второго ребенка вы все равно планировали рожать через год-другой. Такие вот неожиданности! Что тут сложного? Небось рассюсюкались – «кого ты хочешь, мальчика или девочку?». Сами виноваты! Пять лет делали из нее «пришельца», а когда девочка стала вести себя с естественным эгоизмом гостыи, сразу запаниковали! Зачем нужно было ее учить читать с трех лет и вместо сказок на ночь вести беседы об устройстве мироздания? Нормальный ребенок в ее возрасте с азартом ищет братиков и сестричек в капусте.

– Ей пять лет и семь месяцев, – уточнил папа. – Почти шесть.

– Перестань кричать и скажи, что нам делать, – быстро успокоилась мама Валя.

– Немедленно завести собаку, – не задумываясь, ответила мама Муму.

Мама Валя бросила в нее подушку, но не попала. Папа Валя подушку поднял, и все пошли в кухню пить чай.

– Какой у тебя срок? – спросила мама Муму, не обращая внимания на Леру, устроившуюся с ними за столом препарировать очередной банан.

– Восемь... Восемь недель, – ответила мама Валя, покосившись на дочь.

– Хитрая штука – жизнь, – заметила на это мама Муму.

Щенок

В феврале, когда ночью еще мели торопливые метели, а днем солнце съедало снег и беспощадно обнажало внутренности подтаявших сугробов, мама Муму встретила Леру у детского сада и пригласила в кафе «разговоры разговаривать».

– Лучше у тебя дома. Из кафе я люблюпельменную на набережной, а родители запретили мне туда соваться, – ответила Лера.

– Сказали, почему? – удивилась мама Муму.

– Сказали. Из-за различия социальных слоев. Давай мороженого купим и бананов и пойдем к тебе, – предложила Лера.

– Не надо покупать. Все есть. И мороженое, и бананы, и мармелад с шоколадом.

– Ты же на диете! – покосилась Лера на выступающий живот мамы Муму.

– Вот об этом и будем разговаривать.

Осмотрев уставленный тарелками, вазочками и салатницами с фруктами стол, Лера внимательно посмотрела на маму Муму. Та грустно ей улыбнулась и подмигнула.

– И что, суп не нужно сначала съесть? – осторожно поинтересовалась Лера.

– Хочешь супа?

– Нет.

– Тогда зачем спрашиваешь? Честно говоря, у меня нет супа. Вот все, что есть. Мороженое в холодильнике. Конфеты, мармелад, орешки. Выбирай сама.

– Ага... – задумчиво кивнула Лера, усаживаясь. – У тебя, наверное, проблемы, и психиатр тебе посоветовал себя побаловать, да?

Мама Муму задумалась. Она устроилась в кресле, поглядывая на девочку, набросившуюся на сладкое, потом спросила:

– Что еще за история с психиатром? Давай сегодня ты начнешь первой. Рассказывай.

– Да вроде не о чем, – пожалала плечами Лера.

– Расскажи о психиатре. Ты что, довела-таки своих родителей, и они повели тебя к психиатру? Все еще не хочешь ни братика, ни сестрички?

– Не хочу, – замотала головой Лера. – Где собака, спрашивается? Нету собаки! Но психиатр был на другую тему. На физиологическую.

– А поподробней, – попросила мама Муму, – ты меня ужасно заинтриговала.

– Да ерунда, – отмахнулась Лера. – Мама заметила, что я трогаю себя между ног. Отвела к врачу. Ты же знаешь ее. Чуть что...

– И что сказал врач?

Лера задумалась, вспоминая. При этом она разглаживала фантики от съеденных конфет и раскладывала их ровным рядом на столе.

– Он много чего сказал.

– Понятно, – улыбнулась мама Муму. – Тебя это напрягает?

– Напрягает... – задумалась Лера. – Что?

– То, что сказал врач.

– Получается – все дело в удовольствии. Если мне это нравится, значит, это плохо.

– А тебе нравится?

– Ну... так, – Лера задумчиво потянула к себе банан за толстый хвостик.

– Сказать, что я думаю об этом?

– Как хочешь, – не настаивала Лера.

– Все это ерунда, пока ты не занимаешься такими вещами при посторонних. Почаще мой руки, вот и все.

– А эти самые посторонние, они могут рассердиться?

– Дело не в них, а в тебе. Ты помнишь, мы говорили о нормах поведения? Так вот, окружающие могут неправильно тебя понять, если ты не будешь соблюдать условия и правила совместного существования. Интим – дело сугубо индивидуальное, и посторонним в него вход запрещен.

– Это на тему, почему мама с папой закрывают дверь спальни? – уточнила Лера.

– Точно.

– А мама теперь будит меня по пять раз за ночь. Вытаскивает мои руки из-под одеяла. Я потом заснуть не могу. Еще она поговорила об этом с воспитательницей в детском саду.

– С которой? – заинтересовалась мама Муму.

– С заторможенной. Представляешь? Никакого соображения!

Мама Муму кивнула:

– И что заторможенная?

– Сказала, что такое может быть из-за глистов. Я два раза сдавала анализы на глисты. Если это мой личный интим, почему меня заставляют сдавать на глисты?

– Нормы, Лера, нормы. Постарайся принимать условия сосуществования отстраненно. Это залог твоего психического здоровья.

– Постараюсь, – кивнула Лера. – Теперь ты давай.

– Посмотри в спальне, – предложила мама Муму.

Лера неуверенно встала со стула.

– Посмотри, посмотри. Я хочу знать, что ты об этом думаешь.

Девочка выходит из гостиной. Женщина в кресле поворачивается и закидывает ноги через подлокотник кресла, устраиваясь поудобнее. Она шевелит пальцами ног, закрывает глаза и медленно вытаскивает несколько шпилек, мешающих ей улечься головой на спинку кресла. В квартире тишина, кажется, что женщина задремала, но вот она приоткрывает глаза и видит в проеме двери девочку с щенком на руках.

– Это тебе, – говорит женщина. – Нравится?

Девочка смотрит на нее изучающе, и от такого взгляда женщине становится не по себе. Она пытается объяснить смысл подарка.

– Не бесплатно.

– Как это? – сильно удивилась Лера.

– Я купила щенка себе. Надоело, видишь ли, приходиться в пустую квартиру. А тут такое дело... короче, я беременна. Собакой заниматься не смогу. Пришлось бы ее пристраивать в хорошие руки, уж лучше отдать тебе. У тебя хорошие руки?

Изобразив натужную улыбку, мама Муму постаралась не отводить взгляд, чтобы Лера не заметила усилия растянутых губ.

– Ты тоже беременна? – уточнила девочка и опустила щенка на пол.

– Ну, я же женщина, что тут странного?

– Ничего странного. Я думала, ты умная.

– По-твоему, беременность – это глупость?

– А где папа твоего зародыша? – прищурилась Лера.

– Ах, ты об этом. – Мама Муму встала, прошла по комнате и съела мармеладину, внимательно всматриваясь в лицо девочки. – Это не проблема. Для меня.

Лера задумчиво обошла женщину, разглядывая.

– А ты уверена? – спросила она после этого. – У тебя совсем не заметно живота. А у мамы он уже торчит.

– Это потому, что я толстая. У меня и без беременности был живот. Через месяц я раздуюсь, как воздушный шар. Берешь собаку?

Валерия посмотрела на щенка, волочащего по полу тапочку.

– Маму нужно подготовить, – вздохнула она.

– Хорошо. Если Валька будет совсем против, ты должна понимать – у беременных случаются приступы протеста или голода, – то щенок может жить у меня, а ты будешь приходить ухаживать за ним.

– Правда? – просияла девочка.

Тем же вечером она заявила обалдевшим родителям, что у нее есть щенок.

– Мама Муму завела себе собаку, а потом вдруг в одночасье забеременела, – взхлеб расписывала Лера привалившее счастье. – Она боится, что умрет в родах и щенок останется сиротой. Предложила мне за ним ухаживать. Вы не волнуйтесь, если он будет сильно вас беспокоить, я уйду жить к маме Муму.

Мама Валя ворвалась к маме Муму в состоянии едва сдерживаемого нервного срыва.

– Ты поори, поори, – посоветовала ей мама Муму. – Сразу полегчает.

– То, что ты... – задыхалась Валентина, – кормила грудью мою дочь, не дает тебе права!..

– Не дает, – лениво согласилась мама Муму. – Извини, я не могу поучаствовать в твоём скандале, совсем вымоталась на работе.

Свесив перекинутые через подлокотник кресла ноги, она шевелила ступнями в такт музыке.

– У тебя нет никаких прав на мою девочку! – сменила тон Валентина, резко переходя от бешенства к слезам. – Ты не смеешь управлять ею, да еще такими подлыми методами!

– Конечно, не смею, – согласилась мама Муму, выбралась из кресла и сделала несколько прыжков в такт музыке. – Армянский рожок! – кивнула она в сторону дорогого музыкального центра. – Я от него балдею!

Обхватив небольшой выступающий живот руками, Валентина с опаской расставила ноги – от прыжков большой мамы Муму содрогалась мебель и дрожал пол.

– Маруся, – попросила Валентина, – можно выключить? У меня от твоего армянского рожка кишки сжимаются.

Маруся выключила музыку и некоторое время, запыхавшись, смотрела на подругу изучающе.

– Ты должна ходить по ступенькам, не пользоваться лифтом. До пятого этажа как минимум. Во второй половине дня – гимнастика на растяжку. Контрастный душ и прогулки на свежем воздухе не меньше двух часов в день, – сказала она.

– Я... – опустила глаза Валентина.

– Ты большую часть дня валяешься на диване. Я не ломаю лифты у нас в подъезде только из сострадания к старикам на восьмом этаже. Ладно, не хочешь ходить по ступенькам, не ходи. Не хочешь растягиваться – не растягивайся. Но прогулки являются важнейшей составляющей здорового образа жизни беременной женщины, тут я от тебя не отстану. И гулять ты будешь не по магазинам и рынкам, а в парке.

– Я не могу гулять просто так, мне скучно! – взмолилась Валентина, подошла к столу и выбрала себе конфету.

– А ты теперь не будешь гулять просто так, ты будешь выводить на прогулку спаниеля двух месяцев от роду, пока еще не привитого, но зато с документами из клуба собаководов.

Ссора

В июне выбирали роддом. Мама Муму уговорила маму Валю ехать в тот, где она работала главврачом. Обещала лично курировать процесс. Осматривала подругу по два раза на дому и ровно за сутки предсказала точное время родов, убедив Валентину поехать устраиваться в родильное отделение заранее, до схваток.

– Боже, ты похожа на бегемота! – стенала Валентина. – Неужели и я такая же?!

– Ты на двенадцать килограммов легче, – успокаивала мама Муму. – Прощвырнемся в последний раз на восьмой этаж через две ступеньки?

Трое взрослых, девочка Лера и щенок Артист прибыли к родильному отделению утром в пятницу. Мама Муму ушла поговорить с коллегами. Она вернулась быстро, стараясь загладить излишней торопливостью тревогу и нервную дрожь.

– Что? – вскочил папа Валя. – Что с ней?

– А что с ней? – развела руками Мария. – Выбрала себе место в палате, пьет сок, ночью родит.

– Я же чувствую, ты что-то скрываешь! Ну-ка, посмотри мне в глаза!

– Отстань, Валька, не нарывайся. Мне пора идти.

– Значит, ты не поедешь с нами домой? Что произошло? – волновался папа Валя.

– С Валентиной ничего не произошло. Чтобы ты не нервничал, я не поеду домой. Буду сидеть возле нее и ждать. Мне пора.

– Теперь я точно знаю, что есть проблемы! – не унимался папа Валя, призывая дочку в свидетели: – Мама Муму обещала уехать с нами, так ведь?

Лера посмотрела на маму Муму и удивилась безумному выражению ее глаз.

– Слушай, болван, если ты еще не заметил, то я беременна.

– Да, но...

– А что случается с беременными на девятом месяце?

– Что с ней?... – обессилов, папа свалился на диван.

– Они рожают, представь себе! – продолжала злиться мама Муму. – Лучше тебе поехать с Леркой домой, потому что у меня начались схватки, а когда у меня бывают схватки, я становлюсь агрессивной, а когда я становлюсь агрессивной...

– Но это же невозможно! – возмущенно подхватился папа Валя. – Какие еще схватки? А как же Валентина?...

Последовавшую за этим картину девочка Лера запомнила на всю жизнь. Мама Муму наклонилась, уложила голову в ближайшее кресло, оббитое черной кожей, а потом вдруг в такой позе – вверх попой – ухватила его за подлокотники и выпрямилась, держа кресло над головой. Лера схватила щенка и отбежала в сторону, а папа Валя остался стоять на месте с открытым ртом.

От дверей к маме Муму бросились два охранника. Не обращая на них внимания, она с креслом над головой пошла на папу Валю, зловеще спрашивая: «Уберешься ты наконец?!»

Охранники обхватили кресло с боков и приподняли его, уговаривая Марию Ивановну не напрягаться и успокоиться.

– Что ты мне сказал, когда я от тебя забеременела? Вспомни! – не унималась Мария. – Что я цельная личность и сильный человек, если могу справиться с житейскими проблемами в одиночку! Сейчас ты увидишь, какая я сильная!

– Да я тебе это сказал, потому что ты отказалась обсуждать со мной свое положение! – теперь и папа Валя бросился помогать охранникам отбирать кресло. Мама Муму под креслом размахивала ногой, стараясь его лягнуть.

– Я отказалась? – шипела она. – Я отказалась делать аборт! Мне было девятнадцать! Капустин! Я тебя презираю. Если ты не уберешься наконец, я убью тебя креслом! Ну вот... – она посмотрела на пол. – Воды отошли.

Папа Валя побледнел и свалился в обмороке на пол. Охранники отнесли кресло в сторону и бросились к маме Муму.

– Скажите, чтобы этому слабонервному принесли нашатырь, – она разрешила двум мужчинам унести ее, усевшись на их сплетенные руки и царственно оглядев напоследок холл. Девочка Лера подошла к лежащему папе и посадила ему на грудь щенка.

Придя в себя, папа Валя решил немедленно идти в палату к жене.

– Не надо, – уговаривала его Лера. – Маме не понравится, что мама Муму беременна от тебя.

– Вы только послушайте этот бред! – взвыл он, схватив себя за волосы. – Ты хотя бы не повторяй то, чего не понимаешь! Это невозможно, в конце концов! Я должен поговорить!..

– Давай поговорим, – Лера отвела его к дивану и силой усадила.

– Пойми, я не могу говорить с тобой на эту тему! – отбивался папа Валя.

– Я хотя бы не беременная, – пожала плечами Лера. – С мамой говорить сейчас не стоит, вдруг из нее тоже воды вытекут.

Папа Валя опять взвыл и закрыл глаза, покачиваясь из стороны в сторону.

Девочка Лера думала – кто родится у мамы Муму? После скандальной сцены она стала думать об этом ребенке как о второй проблеме в своей жизни.

Роды

Мария Ивановна рожала с сотовым телефоном в левой руке. Она звонила, пока схватки не перешли в непрекращающуюся боль. Вызванная из дома акушерка Лиза в этот момент бежала по коридору к родилке, на ходу надевая халат и фартук.

– Ты одна? – спросила акушерка, закрывая лицо маской. – Где они?

– Авария, – выдохнула мама Муму. – Адвокат ничего толком не говорит. Позвони в милицию. Узнай об аварии на Волгоградском шоссе. Иностранные номера.

– Чек получила? – Лиза шлепнула Марию по коленкам, чтобы та их раздвинула.

– Нет. Послезавтра должна была... Мне рожать по срокам через пять дней.

– Специалист! – хмыкнула Лиза, вынула руку и показала Марии четыре пальца. – Через двадцать минут родишь. Пойдешь на стол?

– Посмотри Капустину Валентину в шестой палате, – выдохнула мама Муму.

– Обойдется, – хмыкнула акушерка. – Я от тебя не отойду.

– Посмотри. Мне не нравится ее состояние. Слабая она. Ну, что уставилась? Сходи и посмотри, если начальница приказывает!

– Не ори, припадочная. Я к твоим родовым припадкам привычная.

– Это ужас какой-то, – шептала Мария, прижав подбородок к груди и выдыхая воздух короткими порциями, – меня перед родами нужно запирать в психушке. Ведь убью кого-нибудь, ей-богу! Его – точно убью, если еще раз попадетсЯ мне в таком состоянии!

Акушерка скатала пеленку и засунула ее в открытый рот Марии. Легонько стукнула под подбородок, чтобы та сжала челюсти.

– Закуси покрепче и помолчи заодно.

Мама Валя, с трудом оторвав фольгу от упаковки, прогулочным шагом прошлась по коридору родильного отделения, поедая йогурт и заглядывая в открытые палаты. Она добрела до родилки, уже выскребывая остатки сладкой массы из коробочки. Заглянула в огромный зал, обнаружила там всего одну роженицу на столе, пригляделась, да так и застыла с ложкой во рту. Акушерка Лиза в этот момент уносила с родильного столика ребеночка, завернутого в пеленку, больше рядом никого не было, и Валентина тихонько подошла к столу, все еще не выпуская изо рта ложку.

– Маруся?... – в ужасе прошептала Валентина, пошатнулась, ухватилась за край стола, а выпавшая при этом ложка с оглушительным звоном упала на кафельный пол.

Мама Муму повернула голову, посмотрела на Валентину и совершенно буднично поинтересовалась:

– Как дела? Схватки не начались?

В глазах у Валентины потемнело, ужасом подступила к горлу тошнота.

– Что ты тут делаешь? – шепотом спросила она.

– Ты прямо как твой муженек, ей-богу! Рожая я тут! А ты? Пришла на выставку собак? Лиза! – крикнула мама Муму громко.

От ее крика Валентина вздрогнула и вдруг почувствовала себя в невесомости.

– Опять – собаки?... – прошептала она, пошатнувшись. – При чем здесь...

Акушерка Лиза успела подкатить коляску вовремя – Валентина в полубморке падала вперед, на родильный стол, но мама Муму толкнула ее в грудь ладонью, Лиза сманеврировала коляской и через несколько секунд уже вывозила бесчувственную Валентину из родилки.

Она крикнула в коридоре – пост медсестры был пуст. Наклонившись над женщиной, Лиза похлопала ее по щекам, отчего Валентина замычала и замотала головой.

Лиза быстро вернулась в родильный зал.
– Есть проблемы, – сказала она Марии.
– Позови к ней врача, дай успокоительное, – приподнялась на локтях Маруся.
– Проблемы у тебя! – повысила голос акушерка. – Начни думать о себе, несчастная!

Только что на «Скорой» привезли твоих заказчиков.
– Сюда?... – опешила Мария. – По «Скорой»?
– Нет. Из «травмы». Ты сама велела мне дозвониться, я дозвонилась, они сорвались из «травмы» и теперь рвутся в родильное отделение, размахивая какими-то бумагами.
– А адвокат?
– Жду с минуты на минуту, – ответила Лиза.
– Они что, совсем спятили? Какими бумагами они там размахивают?
– Они не спятили, они контуженые. У обоих после аварии переломы и ушибы. У женщины забинтована голова. Хорошо еще, что она требует ребенка на английском.
– Так, спокойно... – задумалась Мария. – Приехали так приехали. Ну и что, что контуженые! У них сломаны пальцы на руках?
– На руках? – задумалась Лиза. – Не знаю. Зачем тебе их пальцы?
– Нужны подписи обоих. При адвокате и контуженые вполне законно могут подписаться. Подвези мне каталку, – потребовала мама Муму.
– Подожди, Мария. Есть проблемы.
– Да когда у меня что без проблем получалось?
– Проблемы с ребенком, – добавила Лиза.
– Нет... – прошептала Мария, покачав головой. – Я УЗИ делала две недели назад. Я бы брюхом почувствовала, если что не так!
– Перебирайся, – Лиза подвезла каталку. – Шевелись, с минуты на минуту роженицу привезут из четвертой палаты. На меня и так уже странно смотрят – не пускаю санитарок в родилку.
– Я должна немедленно осмотреть ребенка! – потребовала Мария, переползая на узкую каталку. – До прихода адвоката.
– А куда я тебя волоку, коровушка!
– Подожди. Послед вышел? – Мария ухватила руками за края каталки, чтобы не выпасть на повороте, – Лиза сильно разогналась.
– Вышел, сразу.
– Анализ крови взяла у ребенка?
– Конечно. Я тебе и его рентген покажу, – ответила Лиза.
– Рентген? Это еще зачем?

В перевязочную они въехали второпях, долбясь о притолоку. Едва Лиза успела закрыть за собой дверь, как в родилку привезли женщину.

Мария протянула руки и приняла от акушерки запеленутого ребенка. Она села, распеленала его и засмотрелась. В глазах мгновенно растаяло напряжение, поздними слезами вытекла адская боль, которую она двадцать минут назад не выпустила вместе с криком.
– Ну и что? – прошептала мама Муму. – Отличный мальчик. Больше пяти?
– Пять триста. Посмотри спину.

Мама Муму подложила ребенку под спину руку, прислушалась к своим ощущениям и через несколько секунд удивленно взглянула на Лизу.
– Нашупала? – кивнула та. – Вот тебе снимки. Сама решай.
Прижав к себе ребенка, Мария повернулась к окну и посмотрела снимок.
– Что за чертовщина?... – прошептала она, пораженная.
– Что будем делать? – Лиза присела на кушетку. – Друзья-хирурги есть?

– Полно, да ведь кого попало не позовешь. Мне кажется, вообще нельзя звать знакомого, – сказала мама Муму.

– И что тогда? Позовем постороннего? Или... – Лиза задумалась. – Есть у меня одна мыслишка.

– Какая тут может быть мыслишка? – Мария подняла ребенка, положила на грудь и осторожно ощупывала его спину легкими поглаживающими прикосновениями пальцев.

– Морг, – выдохнула Лиза.

– Ты что, спятила? – выдохнула Мария.

– Нам нужен хороший патологоанатом. А ты что подумала? Где оседают для спокойной жизни лучшие хирурги? В моргах! Давай сделаем так. Я приглашу сюда твоих контуженых и адвоката. По дороге занесу снимки нашему Коцею Бессмертному. Скажу, что из одной загородной клиники прислали странную патологию. Пусть он быстренько набросает, что думает об этом, и пришлет нам в родильное с посыльным в течение получаса. Если твоих заказчиков подобная странность у ребенка не остановит, мы им заключение не покажем. Ну а если они начнут требовать обследование и заключение немедленно, здесь и сейчас, так – пожалуйста! – все готово. Профессор, хирург со стажем, изучив снимки, уже написал его.

– А если... – задумалась Мария, – если они сразу откажутся? Как только узнают?

– А мы сделаем так, – решительно заявила Лиза. – Мы на эту тему сейчас думать не будем. Пока не получим заключение специалиста, не будем ничего предполагать. Пока не получим ответ от твоих англичан, не будем думать о судьбе ребенка. Знаешь основной принцип безопасной жизни? Не думать о неприятностях, пока они не начались. А уже потом, мобилизовав накопленные спокойной жизнью силы!..

– Ты как моя бабушка, – тихим голосом заметила Мария, – она тоже говорила – если думать о неприятностях, то обязательно их накличешь. Ладно. Чего тянуть? Если эта Сиси берет ребенка, она должна срочно поступить в родильное отделение, у меня ее обменная карта с собой и все документы давно готовы.

– Представляю, – покачала головой Лиза. – Роженица в гипсе. Ну что, подруга? Пойду я, с богом?

Англичане

Очнувшись в коридоре в коляске, Валентина долго не могла понять, что с ней. Она попробовала было привлечь внимание пробежавшей мимо медсестры, но та спешила. Возле родильного отделения началась суматоха, привезли каталку с громко орущей женщиной под капельницей, потом, странно озираясь, прошла цыганка в разноцветном наряде и, схватившись за живот, спросила у Валентины: «Где тут рожают?»

Пошевелив ногами и руками, Валентина решила было встать, но потом передумала. Она не знала, зачем ее посадили в коляску, может, ей нельзя вставать? Может, она неудачно грохнулась в обморок и что-то себе повредила?

На колясках ведь ездят... Она тронула колесо. Коляска чуть развернулась. Валентина хорошо помнила, что перед потерей сознания она разговаривала с Марусей, неожиданно родившей ребенка. Она огляделась и пересекла коридор, вращая руками колеса. Заглянула в открытую дверь родилки. Теперь там было занято четыре стола. Сновало человек десять персонала. Валентина заехала туда, чтобы убедиться, что Маруся с окровавленными раздвинутыми ногами ей не померещилась. Она попала под ноги одной из санитарок, и та быстро выкатила коляску обратно в коридор.

Валентина задумалась. По коридору на коляске провезли еще одну женщину, ее левая нога и левая рука были в гипсе, на голове – марлевая повязка с проступившей кровью, на лице ссадины, заклеенные пластырем.

На всякий случай отъехав подальше от странной пациентки, Валентина подумала, что на шивую бомжиху та не похожа, но мало ли... В этот момент привезли еще одну коляску – с загипсованным мужчиной. Ему досталось больше – обе ноги в гипсе, правая забинтованная рука торчала перед его лицом в сложной конструкции из металлических стержней, а нижняя челюсть поддерживалась гипсовой накладкой, причем на темечке тоже была белая нашлапка. Оказавшись рядом с женщиной, мужчина, скосив глаза (повернуть голову он, вероятно, не мог, а развернуть колесо коляски ему не пришлось на ум), тут же что-то залопотал женщине, которая кусала губы, будучи в нервном состоянии, и отвечала ему короткими выкриками.

«Англичане», – вздохнула Валентина. Ее относительно добротных, как сама Валентина считала, познаний в языке хватило только на то, чтобы понять, что у женщины будет мальчик, это уже известно. Мужчина уговаривал жену не волноваться и перестать кричать, а то это плохо отразится на ребенке. Ребенок должен увидеть маму веселой... и еще какой-то... не перевести, и запомнить ее нежный голос.

Валентине стало не по себе. Она жадно обшарила глазами забинтованную женщину. Решительно наклонилась и встала. Прошла несколько шагов. По крайней мере, ноги у нее ходят, руки двигаются, голова не болит. Вздохнув с облегчением, Валентина вновь уселась в коляску и решила посидеть тут еще, чтобы выяснить, действительно ли эта странная пара приехала рожать и какое участие в этом собирается предпринять сильно поврежденный муж.

Минут через пятнадцать пришла женщина в одежде медперсонала, наклонилась к Валентине и доверительно прошептала:

– А что мы тут сидим, такие инвалидные? А почему мы не идем в палату? Что у нас болит?

– Ничего не болит, – пожала плечами Валентина. – Но кто-то же меня посадил в эту коляску...

– Я и посадила, – осклабилась женщина с беспокойными зелеными глазами. – Уже можете встать и идти. Скоро ужин.

После чего, потеряв всякий интерес к Валентине, она открыла дверь с надписью «Перевязочная» и вкатила туда коляску с забинтованной женщиной. Мужчина посмотрел на Валентину и вдруг изобразил мощнейшую по исполнению улыбку. Валентина несколько растерялась. В сочетании с гипсом под подбородком и нашлепкой на его голове улыбка получилась устрашающе нелепой и совершенно беззащитной.

– Все будет хорошо, – попробовала было улыбнуться в ответ Валентина, но неожиданно для себя всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Из-за этой дикой улыбки мужчины она решила не уходить. Прошла несколько шагов туда-сюда по коридору и определила, что лучшая слышимость получается у самой двери на расстоянии не более полуметра от нее. Понимая, что, стоя на таком расстоянии от двери, она обязательно привлечет чье-то внимание, Валентина быстренько подкатила коляску, села в нее и откинула голову на спинку, закрыв глаза.

Валентина сразу узнала из-за двери голос мамы Муму, что было вполне естественно – она же здесь главная.

Минуты через две напряженного разговора и даже странных истерических выкриков в перевязочную, осторожно обойдя затаившуюся в коляске Валентину, вошел мужчина в дорогом костюме, который он впопыхах прикрыл белым халатом. И сразу же за ним – прыщавый юноша в замызганной одежде медбрата. Юноша выскочил, торопясь, через полминуты.

Теперь голоса за дверью стали намного громче. Мама Муму призывала адвоката напомнить пациентам некоторые пункты договора. Англичанка кричала что-то в ответ, ее муж переводил на ломаном русском, его перебивала женщина с беспокойными глазами.

Англичанка кричала, что она не хочет ангела. Муж переводил не так, он говорил, что жена обеспокоена возможными последствиями. Валентина поняла, что мужчина согласен на любого ребенка, а жена требует медкомиссии.

Маруся попросила всех замолчать. За дверью стало тихо. «Давайте посмотрим ребенка», – предложила Маруся.

И в этот момент Валентина потеряла всяческий интерес к происходящему в перевязочной, потому что внутри ее живота словно кто-то провел тупой детской сабелькой. Она вскочила, прислушалась к себе...

Боль повторилась через восемь минут.

Паника

Лиза не стала говорить Марусе о схватках, начавшихся у Валентины, пока не закончились переговоры.

– Это настоящий торг, – сказала она, задыхаясь от возмущения. – Эта твоя Сиси...

– Она не моя.

– Эта гадина говорила, что за бракованного ребенка нельзя отдавать всю заранее оговоренную сумму. Нужно потребовать уценки. А ее муж переводил тебе совсем по-другому!

– Я знаю, – устало отмахнулась Маруся.

– Он переводил, что жена обеспокоена наростами на его спине, нельзя ли это вылечить?

– Хватит меня доставать! – рявкнула Маруся.

– Я еще не сказала главного! Они ругались потом шепотом в углу. Знаешь, почему? Жена предложила забрать ребенка для дальнейшей его передачи на обследование в какой-то центр!

– Да что в этом плохого?!

– Она сказала, что таким образом они хотя бы окупят часть денег, затраченных на твое содержание при беременности, и вернут первый взнос за ребенка! Где ты видела англичан, которые не платят за обследование младенца, а получают за это деньги?! Гони их в шею – и немедленно!

– Ты так хорошо знаешь английский? – Маруся привстала с кушетки и удивленно посмотрела на Лизу.

– Они хищники, не отдавай им мальчика! Муж еще ничего себе, называет ребенка ангелом, а вот жена... Видела ее глаза?

– Адвокат еще не ушел? – перебила Маруся.

– Все ждут твоего решения, – буркнула Лиза.

– Позови адвоката.

В кабинет вошел невысокий мужчина с грустными глазами утомленного брачными играми оленя.

– Банальная история – клиенты не хотят платить оставшуюся сумму, – он глазами изобразил еще большую грусть, а губами – ободряющую улыбку.

– Правда, что они хотят передать мальчика на обследование в какой-то центр? – спросила Маруся.

– Да это не проблема... – адвокат осторожно пристроил свой весьма обширный зад на краешке кресла. – Проблема у нас совсем другая. Кто подсунул женщине все документы по младенцу? Кто их подготовил?

– Ну, я! – выступила вперед Лиза.

Адвокат вскинул густые ресницы и за секунду оценил высокую статную женщину с выбивающимися из-под медицинской шапочки золотыми кудрями. А так как Лиза была не накрашена (на работе она косметикой не пользовалась), заметив интерес самца, она вызывающе повела желтой бровью (да-да, натуральная блондинка!) и с легкой брезгливостью к подобным взглядам прищурила зеленый глаз.

– Беспрецедентная в моей юридической практике халатность, – с улыбкой процедил адвокат, проведя указательным пальцем по тонким усикам. – Вы, если не ошибаюсь, являетесь подругами? – он осмотрел женщин. Марусю – мельком.

– Да что случилось? – не выдержала она.

– У будущего папы одна группа крови, у будущей мамы – другая, а у ребенка – третья. Вот такое у нас случилось недоразумение, Мария Ивановна. Ваша подруга взяла и подсунула карту ребенка с указанием группы крови. Естественно, женщина в шоке! Естественно,

она требует от мужа объяснений. Что он ей скажет, Мария Ивановна? Что сэкономил на центре репродукции человека? Что вам не вводили оплодотворенную супругами яйцеклетку, и тогда... – он замялся, послав Лизе извинительную улыбку. – Жена просто брызжет слюной от бешенства. Если бы не гипс, она бы убила своего мужа прямо здесь, в коридоре. Но почему-то все равно требует отдать им ребенка в счет предыдущей выплаты.

– Они бы все равно когда-нибудь узнали группу крови усыновленного мальчика! – попыталась оправдаться Лиза, но адвокат не позволил ей этого сделать.

– Конечно, конечно! Узнали бы в Америке, куда собирались уехать как можно быстрее. И что бы они тогда сделали? Послали Марии Ивановне жалобу? Развелись из-за измены мужа? Нам это было бы совершенно не важно. Главное – чтобы не здесь и не сейчас.

– Что вы такое говорите! – возмутилась Лиза. – Эта стерва отдала бы там ребенка на изучение, а мы бы ничего не знали!

– Уймите вашу напарницу, – обратился к Марусе адвокат. – Объясните ей на досуге особенности вынашивания детей на заказ. И строгое юридическое и физиологическое выполнение всех правил при этом!

– Пусть убираются. Оба! – Маруся легла, уставившись в потолок. – Вы, если не ошибаюсь, свой процент уже получили.

Адвокат развел руками и вышел, не сказав ни слова.

– Извини, – пробормотала Лиза, – я не подумала...

– Не извиняйся. Все одно к одному.

– Ты что, с ним трахалась? – шепотом спросила Лиза. – Вы не пошли в институт, а просто...

– Пошли! – повысила голос Маруся. – Все было сделано по правилам! Доктор определил беременность. Мы с Марком решили это отпраздновать. Как-то так получилось... само собой...

– Ты чего трясешься? У тебя жар? – Лиза присела на кушетку и взяла Марусю за руку.

– Нет. У меня паника, – ответила та.

– Это очень некстати, – заметила Лиза.

– Слушай, хоть ты не травми душу! Скажи что-нибудь ободряющее. Чтобы мне захотелось встать, выпить чаю, покормить ребенка!..

– Ах, это... Это пожалуйста. Твоя подруга под капельницей. Начались схватки, а у нее давление сильно подскочило.

Цензура

Папа отвез Леру домой. Всю дорогу в машине он молчал, потом молчал и дома, на кухне. Сидел и молча смотрел, как Лера возится с бананом.

– Почему просто не ободрать его? – спросил папа, когда Лера отодвинула тарелку с кожурой.

Девочка посмотрела на него несколько растерянно. Так смотрит человек, который не в силах объяснить, почему он поет про себя песенку или сгрызает сосульку, вопреки всяким страшилкам о загрязнении окружающей среды.

– Я хотел сказать, – смешался папа, – что никто не ест банан ложкой.

– Я ем, – просто ответила Лера.

– Ты не должна говорить маме о том, что слышала в роддоме, – продолжил папа Валя тем же тоном, которым говорил о банане.

– Боишься, что она узнает о тебе и Марусе?

Папа Валя встал и нервно полил цветок на окне.

– То, о чем говорила Маруся, было давно. Не сейчас. Мы с ней дружили, и она... Она забеременела. Давно. Почти десять лет назад. Нет, постой... Девять.

– А где он? – заинтересовалась Лера.

– Кто?

– Ребенок?

Папа Валя еще раз полил цветок. Потом ему пришлось промокать лужу на полу у подоконника.

– Давай мы поступим так. Знаешь, что такое возрастная цензура?

– Не-е-ет, – протянула Лера.

– Это когда дети задают только те вопросы, на которые могут получить ответы. А вопросы, на которые они в силу своего малого возраста и отсутствия жизненного опыта не могут получить ответы, откладываются до достижения ими определенного возраста. Вся проблема в том, что вопрос о ребенке Маруси ты можешь задать только Марусе, потому что, если на него отвечу я, это будет уже сплетня. Помнишь, что такое сплетня?

– Да. Что-то вроде игры в испорченный телефон, – кивнула Лера.

– Правильно. Я не хочу быть сплетником.

– Когда? – перешла к делу Лера.

– Что – когда?

– Когда я могу узнать, что случилось с твоим и ее ребенком?

Папа постоял, покачиваясь, постонал тихонько, потом сел напротив Леры за стол и задумался.

Девочка ждала.

– Отлично! – наконец придумал папа Валя и подался к дочери. – Ты можешь спрашивать об этом, как только вы начнете проходить в школе размножение млекопитающих. А пока ты постарайся не нервировать ненужными вопросами, на которые взрослые не смогут дать тебе адекватный ответ, ни Марусю, ни маму Валю. Договорились?

– Договорились – это когда обе стороны что-то получают от сделки. Ты так объяснял на прошлой неделе, – вспомнила Лера.

– Действительно, – отвел глаза папа. – Чего же ты хочешь?

– Мама Муму кормила меня, маленькую, своим молоком, так?

– Так, – кивнул папа и напрягся.

– Почему меня не кормила мама?

– Это просто, – с облегчением выдохнул папа. – Потому что не у всех женщин одинаковый период лактации, – заметив удивленный взгляд дочери, он сбился и развел руками. – Извини, я хотел сказать, что у твоей мамы пропало молоко, вот Маруся... Кстати! Первое слово, которое ты сказала, знаешь какое было?

– Знаю. Муму. А где второй ребеночек Маруси? Если было молоко, значит, был и ребеночек. Мне пять с половиной. Девять минус пять с половиной, получится три с половиной. Этот ребеночек родился через три с половиной года после вашей дружбы. Я правильно посчитала?

Позавчера папа Валя показывал дочке на экране компьютера деление целого яблока на доли. Половинка, четвертинка, осьмушка...

Он встал, потянулся было к розовой лейке с длинным изогнутым клювиком, но потом наступил в лужу под подоконником и передумал.

Не дождавшись ответа, Лера осторожно поинтересовалась:

– Это мы тоже обцензурируем?

– Это... Нет. Это я тебе скажу. Ее второй ребеночек умер. Как только родился.

– Ты сплетничаешь, – заметила Лера.

– Да нет, это факт всем известный. А теперь мы пойдем спать. По крайней мере, некоторые, – пробормотал папа Валя себе под нос и вышел из кухни. – Кстати! – сказал он из коридора. – Если подъедет Элиза, я тебя с нею оставлю. А сам поеду в роддом. Что-то у меня на душе муторно...

Элиза

– Все мужчины нервничают, когда жены рожают! – объявила Элиза с порога. – Детка, иди обними бабулю!

Расставив руки в стороны, она становится на одно колено, отчего ее весьма рискованная юбка поднимается, обнажив кружевную резинку чулка.

Лера подходит, некоторое время рассматривает вблизи лицо Элизы, потом неуверенно трется о ее щеку своей. Вблизи на лице Элизы заметен тональный крем, и блески на веках, и тонкая ниточка карандаша по линии губ, но сильнее всего взгляд Леры притягивают огромные серьги. Они висят почти до плеч, звонкие и заманчивые, как елочные игрушки.

– Элиза, ты сколько раз рожала? – спрашивает Лера.

От неожиданности Элиза садится на пол у полки с обувью, расставив колени, грозит пальцем и строго заявляет:

– Сколько раз я просила тебя называть меня бабулей!

Через час, оставшись одни, они ложатся рядышком на ковер с медицинской энциклопедией. Элиза одета в махровый халат мамы, ее мокрые волосы стянуты полотенцем, а на лице маска из овсянки с медом и лимоном, поэтому разговаривает она медленно, чтобы не нарушить стягивающее действие маски у губ.

– Вот, видишь? Ребенок зреет в матке женщины...

– Это матка? – показывает пальцем Лера на отдельный рисунок. – Похожая на козу?

– Не отвлекайся. Ребенок зреет сорок недель. Он просто плавает себе в жидкости, питается через пуповину.

– Через эту кишку? – показывает Лера.

– Правильно, эта кишка и есть пуповина. Он не дышит и ничего не ест ртом. А потом сам начинает проситься наружу. Это и есть роды. А вот на этом рисунке, видишь, какой сложный путь проходит зародыш с первых своих дней. Здесь нарисована почти вся эволюция млекопитающего. И жабры, и хвостик...

– А можно... – задумывается Лера, – не родить ребенка?

– Конечно, можно. Это называется аборт, – Элиза ложится на спину, задрав подбородок. – В аборте важен срок. Нужно успеть.

– Как это? – ложится с нею рядом на спину Лера.

– До двенадцати недель. Пока еще у зародыша нет души. Вернее, пока в его развивающемся с жабрами и хвостиком теле бродят души вымерших млекопитающих и рыб. Некоторые женщины делают аборт и позже, но я считаю это уже грехом.

– Элиза, а когда я буду все это изучать в школе? – спросила Лера.

– Не помню. Класе в восьмом, наверное.

– А почему ты тогда мне это сейчас рассказываешь?

– Потому что ты у нас редкая умница и благоразумница! – Элиза на ощупь находит ладошку девочки и сжимает ее.

– То есть я сейчас узнала о размножении млекопитающих? – уточняет Лера.

– Точно, – с трудом сдерживает зевок Элиза. – Сперматозоиды, яйцеклетки... Здесь все нарисовано. Странно, что твои родители не подготовили тебя соответствующим образом к рождению братика. Надеюсь, они не обещали найти малыша на капустном поле, потом подложить в гнездо к аисту, чтобы тот принес его под вашу дверь в корзинке?

– Нет. Послушай, ты тоже считаешь возрастную цензуру необходимой?

– Детка, я же тебе не порножурнал показываю! – приподнялась Элиза. – К чему подобные вопросы?

– Это чтобы не быть сплетницей, – честно ответила Лера.

- Ой, как я люблю посплетничать! – потерла ладошки Элиза. – Ой, как я это обожаю! Кому будем перемывать косточки? Дай-ка я угадаю! Ты влюблена в какого-то певца, да?
- Что значит – перемывать... косточки? – нахмурила лоб Лера. – От чего?
- Элиза, не ответив, легла.
- Я просто обожаю Шер, боже, как я ее обожаю! – восторженно прошептала она.
- Сплетничают – это когда говорят не о себе, а о других. Задают о них вопросы посторонним людям, потом обсуждают ответы, – объяснила Лера.
- Ну-ка, ну-ка! – Элиза в азарте приподнялась на локте.
- Это касается ребенка папы и мамы Муму.
- Да, и что? – В глазах Элизы начало таять выражение веселого азарта.
- Я не знала, что можно делать эти самые... аборты. Теперь я понимаю, почему ребеночка нет. Наверное, мама Муму сделала тогда аборт.
- Когда? – уставившись перед собой остановившимися глазами, спросила Элиза.
- Девять лет назад. А ее второй ребеночек умер. Ты знала?
- Когда? – бесцветным голосом повторила Элиза.
- Когда я родилась. А вот интересно... Сейчас она тоже рожает вместе с мамой. Нет, мама Муму, наверное, успеет первой. Она хотела перед родами убить папу креслом, но не успела – воды вытекли.
- Когда?... – «заело» бабушку Элизу.

Кукушка

Уголок одеяла приоткрыт, личика ребенка почти не видно в кружевах чепца. Лера вглядывается, вглядывается...

– Покажи Лере его ручку, – шепчет папа.

– Потом... – шепчет мама.

– И ножку...

– Ладно...

– А почему вы шепчете? – громко спрашивает Лера.

От ее голоса родители дергаются, в их глазах появляется одинаковое выражение паники.

Ребенок открывает глаза, смешно морщится и вдруг чихает три раза.

– Вот видишь! – укоризненно замечает папа.

Лера отходит от дивана.

– А откуда вы знаете, что это ваш ребенок? – спрашивает она, уставившись в окно. – Может, его подменили, пока ты спала.

– Перестань сейчас же, – строгим голосом требует мама Валя.

А папа Валя спрашивает:

– Зачем его подменять? Кому нужен чужой ребенок?

– Мало ли, – пожимает плечами Лера. – Вы его хорошо рассмотрели перед тем, как забирать? Может, он больной. Может, у него есть какой-то брак. Вашего забрали, а подложили бракованного. А что? Кукушка, например, всегда подкладывает свои яйца в чужие гнезда. Глупые птицы потом даже не замечают, что вылупляется чужой птенец.

Теперь родители побледнели, нашупали ладони друг друга и сцепились пальцами.

Почувствовав их неприязнь даже на расстоянии, Лера покрылась мурашками и втянула голову в плечи.

– Я пойду к маме Муму, – сказала она, пробираясь к двери. – Она уже принесла своего ребеночка?

Родители расцепились и стали уговаривать Леру не ходить к Марусе. Они вели себя странно и суетливо. Мама быстренько распеленала малыша и стала показывать Лере его ручку, потом ножку. Ребенок закричал, и Лере было предложено принять участие в смене марлевой подкладки у него между ног. Но только после мытья рук. С двукратным намыливанием.

Пока Лера честно намыливала руки, смывала, потом опять намыливала, подкладку поменяли без нее. Она стояла у раковины и смотрела, как папа смывает с марли кисло пахнущую мазню желтого цвета. На его лице при этом сияла радостная улыбка.

– Сейчас мама будет кормить Антошу. Будешь смотреть?

Лера часа полтора сидела и смотрела, как мама Валя пытается наладить процесс кормления. Ребенок в первые полминуты быстро и жадно сосал, потом выплюнул сосок и начал кричать. Потом в течение часа он честно пытался покушать, принимаясь делать сосательные движения, как только Валентина исхитрилась засунуть ему в орущий рот сосок. Но через несколько секунд младенец отворачивался и начинал кричать снова. За это время родители вымотались совершенно. В разгар их небольшой перепалки – вызывать врача или развести искусственную смесь – в дверь позвонили.

Пришла Элиза. С цветами, тортом и огромной упаковкой подгузников. Она сразу же прекратила споры родителей, уверив их, что ребенок должен кричать, ему так полагается делать по статусу младенца. Маленького запеленали и отнесли в кроватку в спальню родителей, где он орал в одиночестве еще минут двадцать, потом обессилел и заснул.

– Обожаю брюнетов, – заметила Элиза, рассматривая спящего младенца.

Мама Валя посмотрела своими голубыми глазами в голубые глаза мужа. Папа Валя протянул руку, не глядя, нащупал рядом с собой желтоволосую головку дочери и погладил ее.

Коровушка

Маму Муму позвали на третий день. У ребеночка после приема разведенной смеси начался запор.

Маруся посмотрела на кричащего младенца издалека, взяла со стола чашку и ткнула Валентине, не глядя:

– Цедись.

– Как это – цедись? – запаниковал папа Валя. – Нам каждая капля молока дорога, а ты ей суешь нестерильную посудину.

– Цедись, – потребовала Маруся, игнорируя папу Валю и расстегивая шерстяную кофту.

Грудь мамы Муму выглядела устрашающе. Когда была снята стягивающая повязка и открылись промокшие чашечки бюстгальтера, Маруся застонала. На ее щеках цвели красные пятна, пересохшие губы потрескались.

– Да ты больна! – закричала Валентина, бросаясь к кроватке с ребенком и закрывая ее собой.

– Цедись! – крикнула Маруся таким голосом, что Валентина тут же села и распахнула на груди халат.

Папе Вале приказано было удалиться, а на Леру никто не обращал внимания. Она смотрела в странном оцепенении, как в чашку бьют тугие тонкие струйки, потом капают капли.

– Вот, – протянула чашку Валентина.

Маруся взболтала содержимое, рассмотрела его и протянула чашку Лере.

– Вылей, – просто сказала она.

Молоко голубело в белой емкости. Лера отнесла чашку в кухню. Постояла у раковины, понюхала мамино молоко. Потом высунула язык и осторожно лизнула его.

Когда она вернулась в спальню родителей, Маруся кормила ребеночка своей грудью. Тот глотал с утробным громким звуком, и Лера даже испугалась, что он захлебнется. Когда младенец отвернулся, молоко из соска все капало и капало на его щеку. Но он не реагировал. Он крепко спал.

– Теперь мне тоже нужно сцедиться, – сказала Маруся, передав уснувшего ребенка Валентине.

Лера подала ей чашку, но Маруся только покачала головой.

– Принеси литровую кружку, в которой я сегодня варила яйца, – попросила Валентина.

Пока Лера смотрела, как мама Муму сцеживает вторую грудь, она вдруг поняла, что совершенно незащищена. Это у нее случилось из-за осознания, что у женщин есть могущество, которое невозможно постичь. И из-за того, что она не причисляла пока еще себя к женщинам. Как же тяжело и страшно быть ребенком!

Маруся перестала сцеживаться, облегченно вздохнула.

– Вылить? – кивнула Лера на кружку, сглатывая вдруг накотившую тошноту.

– Нет, погоди. Я не ем ничего второй день и почти не пью, чтобы молоко не прибывало так сильно. Оттого и в холодильнике совсем пусто.

– Ты будешь это пить? – прошептала Лера.

– Очень смешно, – кивнула мама Муму. – Отнесем это Артисту. Говорю же – в холодильнике пусто. Он на собачьих консервах долго не протянет. Маленький еще.

За столом клевала носом Валентина.

Папа Валя уснул в гостиной у включенного телевизора. Маруся оглядела их и вздохнула:

– И наступило всеобщее счастье...

Дернувшись, мама Валя подперла щеку ладонью и мечтательно прошептала:
– Неужели все будет так же спокойно и хорошо, как с Леркой?...

На лестнице Лера спросила:

– Им со мной было спокойно и хорошо?

– Все познается в сравнении, – заметила Маруся. – Ты покричала неделю, а когда стала недоедать, пришла я и накормила тебя. После каждой еды ты засыпала беспробудно, еле расталкивали к следующему кормлению. Поев, опять засыпала. Ты совсем не плакала, пока не пошла ножками и не стала набивать синяки.

– Мама Муму, а можно к тебе? – спросила Лера. Ей очень хотелось посмотреть на ребеночка Маруси.

– Нельзя, – категорично ответила Маруся. – Приходи дня через три. У меня жар спадет, и я расскажу о своем ребеночке.

Вечером в приоткрытую дверь своей квартиры Маруся передала поводок Артиста, и Лера пошла его выгуливать. Неделю до этого Артист жил у Капустиных, пока не начали мыть квартиру к приходу мамы Вали с ребенком.

Через час Лера позвонила, и рука Маруси забрала поводок. Упирающийся Артист был силой затащен в квартиру.

Зеркало

Ровно через три дня Лера после утреннего выгула Артиста просунула ногу в закрывающуюся дверь.

– Ладно, заходи, – распахнула дверь Маруся.

Лера обошла ее квартиру – такая же планировка, как у них дома. Заглянула на всякий случай и на балкон.

– Его нет, – сказала она, сбросив сандалии и устраиваясь в кресле с ногами.

Маруся села в кресле напротив, захватив спицы и клубок шерсти.

– Знаешь, кто такой тролль? – спросила она.

– Нет.

– О господи, – покачала головой Маруся. – А кто такая Баба Яга, леший и кикимора?

– Нет. Перестань заговаривать мне зубы. Ты обещала рассказать, где твой ребеночек.

– Твои родители ненормальные. Что они тебе читают на ночь? – спросила мама Муму.

– Детскую энциклопедию.

– Тролли – это маленькие человечки, которые живут под землей или в корнях деревьев.

Похожие на чертенят. Можешь представить себе чертика?

– Нет.

– Ну ладно... – задумалась Маруся и перестала набирать петли. – В прошлом году мы с тобой смотрели ночью фильм. Твои родители уехали отдохнуть, а бабушку срочно вызвали на какие-то съемки.

– «Иствикские ведьмы», – кивнула Лера.

– Нет. Это было в те же выходные, вспомни. Три новеллы. Одна из них о девочке и коте. К девочке ночью приходил маленький человечек в шапочке с бубенцами и пил ее дыхание. А родители думали, что зло исходит от кота.

– Похожий на крошечного клоуна?

– Точно. Это и есть тролль.

– Ну и что? – нетерпеливо заерзала Лера, потом улеглась, свесив ноги через подлокотник кресла.

– Обычно тролли бывают злые. Я не слышала о добрых троллях. И вот однажды один злой тролль сделал страшное зеркало.

– Как же, интересно, он его сделал? Где он взял серебро? Гальваника – вещь сложная!

– Что? – нахмурилась Маруся.

– Мне папа читал, как делают зеркала. Стекло покрывают серебряным напылением.

– Короче, у него все было – и серебро, и гальваника! – повысила голос Маруся. – Не сбивай меня несущественными мелочами!

– Да уж! – хмыкнула Лера.

– В этом зеркале все доброе и прекрасное уменьшалось до минимума, а все плохое в человеке, все злое выпирало в устрашающих размерах.

– Как это? – заинтересовалась Лера. – Как в кривых зеркалах?

– Вроде того, только в кривом зеркале у тебя просто искажаются части тела, а у тролля было зеркало, в котором искажается душа. Все плохие поступки выпирают, а сам человек за ними становится безликим и незаметным. А так как у всех людей есть что-то плохое...

– У меня нет, – перебила Лера.

– Так не бывает.

– Бывает, – настаивала девочка.

– Ладно, – задумалась Маруся. – Если я сейчас тебе докажу, что и у тебя бывает в душе что-то не совсем хорошее, ты дашь мне досказать? Не будешь перебивать?

- А причина, по которой мама водила меня к психиатру, считается?
- Нет, – покачала головой Маруся. – Конечно, нет. Интим – вещь неприкосновенная.
- Ну, тогда ладно.
- Ты сделала кое-что не совсем хорошее, когда рассказала маме о том, что услышала в роддоме. Когда я схватила кресло и... короче, когда я чуть не прибила твоего папу креслом.
- Ничего я не говорила маме! – возмутилась Лера.
- А кому ты это говорила?
- Только бабушке, – честно ответила девочка.
- Маруся закрыла глаза.
- Ну и что? – взвилась Лера. – Она же мне рассказала, как развивается человеческий зародыш, и про аборт. И я сказала...
- Ты права, – перебила Маруся, – совершенно права, когда не понимаешь плохого в своих поступках. Ты еще слишком мала для этого.
- Они замолчали, настороженно подстерегая взгляды друг друга.
- Что там было дальше с зеркалом? – первой нарушила молчание Лера.
- Оно разбилось на миллионы мелких осколков, и даже больше, чем на миллионы.
- На триллионы?
- Да. И даже больше.
- На биллионы?...
- На такое количество, которое трудно определить. Оно разбилось на мельчайшие кусочки, величиной не больше песчинки.
- Почему оно разбилось? – спросила Лера.
- Потому что злой тролль поднял его над землей, зеркало не выдержало отраженного в нем зла и разлетелось на кусочки. Но не исчезло. Его крошечные осколки летают везде. Если попадут в глаз к человеку, то все.
- Что? – прошептала Лера.
- Он начинает видеть все только в дурном свете. Только плохое в людях.
- Маруся встала, прошлась по гостиной, посмотрела на себя в зеркало. Стала боком и провела рукой по опавшему животу.
- Мой ребенок умер, – сказала она. – Он где-то там, за зеркалом... – Маруся протянула ладонь и прижала ее к стеклу. Потом отняла и смотрела, как ее влажный отпечаток исчезает постепенно, словно его засасывает зазеркалье.
- Сейчас ты будешь плакать? – спросила Лера.
- Нет, – покачала головой Маруся. – И не собираюсь. Бог дал, как говорится, бог взял.
- А тот ребенок, который умер, когда я родилась, он тоже мальчик? – продолжила Лера.
- Да. У меня тоже тогда был мальчик. Почему ты спрашиваешь?
- Значит, их двое в зазеркалье, – спокойно констатировала Лера.
- Женщина у зеркала нашла глазами отражение девочки и внимательно посмотрела ей в лицо:
- Еще вопросы будут?
- Да, но я промолчу, – опустила глаза Лера. – Ты сама придумала про зеркало?
- Нет, – покачала головой Маруся, продолжая рассматривать себя в зеркале. – Это из сказки Андерсена. Знаешь такого писателя?
- Лера молча покачала головой.
- Знаешь! Это он написал «Дюймовочку» и «Гадкого утенка». Что? – повернулась она. – Ты не читала сказки Андерсена? А и правильно! Все сказки на самом деле написаны для взрослых.
- А про зеркало, это из какой сказки? – спросила Лера.
- Это из «Снежной королевы».

Лера вылезла из кресла и подошла к зеркалу. Оттянула нижнее веко у правого глаза, рассматривая.

– Мне нравится, что ты не плачешь, – сказала она. – Ты не такая, как папа с мамой.

– Это точно, – согласилась мама Муму.

– Я только не поняла, зачем ты рассказала мне про зеркало?

– Не трогай глаза руками, – Маруся убрала руку Леры от лица. – Я рассказала, чтобы ты не думала обо мне плохо. Тебе покажется вдруг, что человек ужасно плохой и страшный. А ты тогда подойди к зеркалу и поищи песчинку тролля у себя в глазу.

Гарантии

Медсестра из поликлиники пришла показать Валентине, как делать массаж трехмесячному Антоше. Она позвала всех членов семьи, уверяя, что такие вещи должен уметь каждый.

– В этом деле, – сказала она, – главное – не навредить.

Минут десять Антоша спокойно лежал на спине, пока медсестра объясняла, как это – не навредить. Потом она перевернула мальчика на живот, и Лера впервые увидела спину своего братика. Она остановила вдох и рефлекторно шагнула за папу Валю.

– Все нормально, котенок, – вытащил ее папа. – Это не заразно.

Растерянная медсестра прикоснулась к лопаткам малыша, ощупывая странные наросты на них под кожей, и тут Антоша протестующе крикнул. Медсестра дернулась и уронила на пол пластиковую бутылочку с массажным маслом.

– Я попробую тихонько пройти по позвоночнику, – сказала она сама себе. Подняла глаза на родителей мальчика, наткнувшись на взгляд Леры, вновь дернулась и пробормотала: – А что записано в карте?

– Костные изменения, носящие характер наростов, – отрапортовал папа Валя.

– Вы думаете, это лечится массажем? – прошептала медсестра.

– Нам прописали общий укрепляющий массаж, – едва сдерживая истерику, ответила Валентина.

– А это вообще лечится? – выступила Лера.

– Иди в свою комнату, – развернул ее от стола папа Валя.

Лера пошла в соседний подъезд.

– Муму, – сказала она с порога, – я так и знала! Маме подсунули бракованного ребеночка.

– Сядь, – показала мама Муму на табуретку в коридоре, дождалась, пока Лера сядет, и сунула ей на колени Артиста. Она мыла полы.

– Ты знала? – не выдержала Лера ее сосредоточенной работы шваброй.

– Конечно, – ответила Маруся.

– А что говорят врачи?

– Ничего. Рано пока что-то говорить. Будут наблюдать, изучать. Ты знаешь, что человек растет до двадцати пяти лет?

– А вдруг он инопланетянин? – прошептала Лера.

– Нет, – категорично отмела эту версию Маруся. – Он нормальный мальчик, только со странностями.

Этим же вечером Элиза, приехавшая навестить внука, угодила в его купание. После кратковременной истерики она решила, что сил у нее хватит еще и на скандал. И начала его так:

– Почему вы мне ничего не сказали, паршивцы? Это лечится?

Лера, отправленная в свою комнату, как только Элиза начала визгливо кричать что-то в ванной комнате, подслушивала в щелку двери и улыбнулась «паршивцам».

– А потому, что говорить было нечего! – ответил папа и принял на себя первый вал.

Дальше некоторое время было совсем не интересно, так как все шло по проторенному сценарию скандалов Элизы: пока родители укладывали Антошу, она обвиняла зятя в инфантильности, а дочь в слабоумии. Добравшись до неправильного воспитания внучки подобными родителями, Элиза получила отпор.

– Вы соображайте иногда, что разговариваете с маленькой девочкой! – упрекнул ее папа. – Знаете, что она попросила почитать ей на ночь после одного вашего визита? Порно-журнал!

– И еще неплохо бы тебе сменить наконец гардероб, чтобы он соответствовал возрасту, – поддержала его Валентина. – Или хотя бы переодевайся, когда приезжаешь к нам, ба-бу-ля! А то недавно Лера случайно включила «Новости» по телевизору и сказала, что милиционеры арестовали много бабушек ночью на Ленинградском шоссе. Ты одеваешься и красишься, как престарелая проститутка!

– Ты сказала «престарелая»? – Элиза проигнорировала последнее слово дочери. – Ах ты, гадина! На кого ушли мои лучшие годы? И как, по-твоему, должна одеваться директор ночного клуба и зам. главного редактора журнала для мужчин?! Престарелая!.. Ну-ка, быстро за стол!

Усаживание родителей с Элизой за столом в кухне означало самую важную часть скандала: угрозы и требования.

– Вы заметили, что ваш ребенок пошел в школу? – спросила Элиза. – Я уже посетила одно родительское собрание – вам же некогда! – и смею вас заверить, продвинутые мои, что нас ожидает катастрофа. Лера использует коллектив в двадцать пять мальчиков и девочек исключительно для собственного самоутверждения. И это через две недели занятий! Вы доигрались со своими оригинальными методами воспитания до полного краха. Девочка не может существовать среди нормального среднестатистического социума! Поэтому теперь я беру воспитание внучки в свои руки.

– Абсурд! – заметил на это папа Валя. – Как вы себе это представляете? После школы будете забирать Лерку в ночной клуб, там как раз в обеденное время идут репетиции стриптизерш, а по субботам и воскресеньям отправитесь с нею на фотовыезды моделей для своего журнала?

– Откуда ты знаешь? – дернула мама папу за руку.

– Элиза начинала фотографом, она и меня снимала, ты что, не помнишь?

– Я не об этом. Я о репетициях стриптизерш в обеденное время?

После небольшой словесной перепалки, большую часть громких выражений которой Лера не смогла понять, Элиза призвала «детей» «не кочевряжиться».

– Дети, будьте благоразумны, – изрекла она трагическим тоном. – Прекратите кочевряжиться и согласитесь наконец, что вам нужно отдать все силы на возню с вашим новым приобретением.

– Ты так называешь Антошку? – изумилась Валентина. – Приобретение?...

– А как мне еще *это* называть? Чего еще можно было ждать от подобного мужского инфантилизма и женского дебилизма?

И все пошло по кругу. Элиза уверенно заявила, что сейчас можно провести любую диагностику на ранних стадиях беременности и определить аномалию у плода в допустимые для аборта сроки. Родители возмутились: их Антоша – совершенно нормальный ребенок!

Уставшая Валентина достала бутылку сухого вина.

– Убери это, я – за рулем! – приказала Элиза. – Убери, а то пожадничая и выпью полбокала.

– А мы тебе не нальем, – Валентина поставила бокалы себе и мужу.

– Тебе нельзя! – возмутилась Элиза. – Ты кормишь!

– Вот вам конкретный пример и инфантилизма и дебилизма, – развел руками папа Валя. – Вы так заботитесь о нашей семье, что сегодня впервые увидели внука совершенно голым в процессе купания, к тому же совсем забыли поинтересоваться, как у вашей дочери с молоком.

– Только не говорите мне... – Элиза с ужасом оглядела дочь и зятя. – Нет! Только не эта ужасная женщина! Опять?...

– Эта ужасная женщина, как вы говорите, выкормила Леру, – напомнил папа.

– А еще кого? – подалась к нему через стол теща. – Как она назвала твоего ребенка? Или она оказалась умнее моей дочери и сделала аборт?

Через полчаса рыданий Валентины, криков Элизы и угроз папы Вали выброситься с балкона все трое пришли к выводу, что им теперь нужны гарантии совместного сосуществования под одним небом, и стали договариваться.

Лера посмотрела на часы. Почти двенадцать. К часу придет мама Муму. Нужно ее предупредить, чтобы не попадалась на глаза Элизе. Заболел желудок. Девочка проскользнула в коридор незамеченной, осторожно открыла замок и вышла на лестницу. Теперь дверь закрывалась на ночь на один замок, и Маруся входила со своим ключом и иногда кормила и перепеленывала маленького, а родители и не просыпались, если он не капризничал. Утром Антоша будил всех около шести, тогда мама Валя с ключом от двери Маруси относила его в соседний подъезд. Перед работой мама Муму заносила к ним в холодильник бутылочки со своим молоком. Она сказала, что через месяц малыш уже не будет просыпаться ночью, не будет ночных посещений. Лера села на ступеньку, прижала кулачки к ноющему желудку и задумалась.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Маруся, выходя из лифта.

– Тебя жду. Там Элиза, они ругаются.

– А ты при чем?

– Это ты при чем. Я теперь поняла, как можно быть плохой и совершенно невиноватой в этом.

– Твоя бабушка рассказала Валентине?... – перешла на шепот Маруся.

Лера кивнула.

– У кого мне попросить прощения? – спросила она.

– Бог простит. – Маруся кутала плечи и грудь в пуховый платок, хотя сентябрьская ночь была удивительно теплой и тихой.

Лера поискала бога в себе или рядом, но не нашла.

– И правда, пойду-ка я домой, – вздохнула Маруся. – Скажи, чтобы Валентина принесла мальчика покормить ко мне. И тебе, бедной, не дают покоя. – Она подошла и прижала голову девочки к своей ноге, поглаживая ее волосы.

– Я – гарантия, – сказала Лера.

– Как? – не поняла Маруся.

– Я гарантия поддержания их отношений. Элиза больше не хочет видеть папу и Антошу. Поэтому я буду иногда жить у нее день-два и на каникулах.

– Не хочет видеть Антошу, – кивнула Маруся, не удивившись.

– Я бы тебе объяснила, почему, но боюсь опять сделать что-нибудь плохое.

– Не надо, – Маруся еще сильнее прижала к себе ее голову, – не объясняй.

Упорство

Когда девочке Лере исполнилось восемь с половиной лет, она совершила свой первый роковой поступок.

В школе в тот день на завтрак давали глазированные шоколадом сырки.

– Не ешь их, – шепотом посоветовала Лере девочка Нюся.

– Почему? – подозрительно спросила Лера.

– Они просроченные, – опять же шепотом сообщила Нюся.

Лера задумчиво осмотрела сырок.

– Так не узнать, – уверила ее Нюся. – Мне мама сказала. Она работает в школьной столовой.

Лера разложила на столе обертку, изучила ее и с большим трудом обнаружила плохо различимые выдавленные цифры.

– Шестнадцатое, – сказала она, – а потом еще две цифры.

– А сегодня семнадцатое! – многозначительно посмотрела на нее Нюся. – Только никому не говори. Я тебе по секрету сказала, как подруге.

Лера внимательно осмотрела весьма упитанную Нюсю. Потом зал столовой.

– А если все отравятся? – спросила она.

– Не отравятся. Мамка сказала, что никто не отравится, просто мне их есть не надо. На всякий случай. Вот увидишь – никто не отравится.

Лера высидела в столовой до самого звонка. Никто не свалился в судорогах.

– Ты думаешь, мы подруги? – с сомнением спросила она у Нюси в классе.

– Конечно. Мы сидим за одной партой, и на физкультуре ты никогда не смеешься, когда я прыгаю или бегаю.

На следующий день столовая была закрыта, по младшим классам дежурные разносили сок в упаковках и печенье. А еще через день директор школы вызвала родителей Леры.

Пошел папа, потому что была его очередь посещать родительское собрание.

Вернувшись, папа Валя выпил стакан воды из-под крана и два раза полил цветок на подоконнике в кухне.

– Что? – всполошилась Валентина.

– Наша дочь написала кляузу в санэпидемстанцию. Что-то о просроченных продуктах в столовой. Как-то мне не по себе. Я не уверен, что все правильно понял.

– Что она написала?! – не поверила своим ушам Валентина.

– Я сам ничего не понимаю, кроме полной недоказуемости ее действий. В этом я абсолютно уверен.

– Прекрати меня пугать и нервировать, я и так вся чешусь! – повысила голос Валентина.

– В санэпидемстанцию городской управы по электронной почте пришло письмо от ученицы школы номер 1102, в котором сообщалось, что в столовой нарушаются правила использования пищевых продуктов, в частности, детям на завтрак предлагаются просроченные глазированные сырки. Столовая была вчера обыскана, факт доказан.

– Это бред какой-то, – усмехнулась Валентина. – С чего они взяли, что именно наша дочь в этом участвовала?

– Письмо было подписано: Валерия Одер, ученица 4-А класса.

– Какое письмо?... – замотала головой Валентина.

– Электронное! – с трудом сохраняя спокойствие, ответил папа Валя.

– Но это невозможно! – возмутилась мама Валя. – Кто угодно может написать какое угодно имя на письме в электронной почте!

– И об этом я уже говорил! Полная недоказуемость. Почему мне тогда так муторно на душе? Ты как? В смысле, на уровне внутренних ощущений? – прищурился Валентин.

Мама Валя прислушалась к себе и подтвердила: ей тоже муторно.

Позвали Леру.

– А если бы кто-то отравился и умер? – сразу же возмутилась подслушивающая в коридоре Валерия.

Родители некоторое время задумчиво изучали ее лицо.

– Нет... – замотал головой папа Валя, – это теоретически невозможно!

– Но она же переписывается по компьютеру с Элизой, – привела свой аргумент Валентина.

– Согласен, она может отправить письмо по какому-то адресу, но в санэпидемстанцию?... – задумался папа.

– К тому же в конкретную, нашего района?... – задумалась мама.

– Адрес можно найти в телефонном справочнике, – вступила Лера. – Там все расписано по районам. И санэпидемстанции, и инспекции по делам несовершеннолетних, банки, прачечные, все. Разве я плохо поступила?

– А электронный адрес? – все еще не мог поверить папа.

– Мне его продиктовали по телефону. Телефон я нашла в справочнике. Потом взяла из Интернета образец делового письма, «кратко, но содержательно обрисовала проблему», как там было указано, вот и все дела.

– А как ты вообще узнала о просроченных сырках? – присел перед дочкой на корточки папа.

– Прочла дату использования на обертке. – Лера решила ни в коем случае не упоминать о Нюсе.

Родители переглянулись.

– Они нашли обертку? – спросила Лера. – Я приклеила ее жвачкой под столом.

– Ты приклеила жвачкой под столом обертку от сырка? – шепотом спросила мама Валя.

– И указала в письме, под каким именно столом, – кивнула Лера.

– Зачем? – ничего не понимал папа Валя.

– Доказательство, – уверенно заявила Лера. – Наверняка они уничтожили сразу же после завтрака все не съеденные сырки. И выбросили мусор. Никаких улик!

– Детка, скажи нам, зачем ты это сделала? – проникновенно попросил папа Валя.

– Я надеюсь, что теперь школу закроют, – заявила Лера. – Я давно хотела вам сказать. Мне не нравится учиться в школе.

Пометавшись по кухне и столкнувшись несколько раз, родители вспомнили, что завтра выходной, и с облегчением отправили Леру спать.

– У девочки начались проблемы с логическим мышлением, – заметил папа, когда Лера ушла.

– И с осознанием последствий содеянного, – поддержала его мама. – Кто пойдет ее тестировать? Я вчера проводила беседу на тему ответственности. Два дня подряд я не потяну!

Пошел папа. Он присел на кровать. Лера лежала на спине, вытянув руки поверх одеяла.

– У меня кое-что здесь не стыкуется в твоём желании справедливости, – Валентин постучал себя по лбу. – Цель и средства. Помнишь, мы это обсуждали?

Лера молча кивнула.

– Итак. Тебе не нравится учиться в школе. Поэтому ты хочешь школу закрыть. Для чего натравливаешь на нее чиновников по надзору. Ты помнишь номер своей школы? 1102! Ты думаешь, это просто цифры? Нет, родная, это почти порядковый номер. В Москве больше

тысячи школ. Меня несколько обескураживает не то, что ты донесла на работников снабжения, а несоизмеримая с конечной целью масштабность твоих действий...

– Если даже из-за этих сырков школу не закроют, меня все равно выгонят, – перебила его Лера. – Так или иначе, я в эту школу больше не попаду. А в другую вы меня устраивать не будете. Далеко ездить. До ближайшей школы пять остановок на троллейбусе, возить меня некому, вот и получается, что я все сделала правильно. Подумай хорошенько. Мне девять лет. Так?

Папа посмотрел на серьезное лицо дочки, засомневался было, потом посчитал и кивнул: девять.

– И я уже получила самое начальное образование, – продолжила Лера. – За три года по программе для шестилеток. Меня после собеседования сразу приняли во второй класс. Знаешь, почему?

– Конечно, знаю, – с досадой ответил папа. Досада появилась из-за того, что разговор уходил в сторону от обрисованной им проблемы. – Потому что ты умная и сообразительная девочка, с трех лет читаешь, знакома с двумя иностранными языками...

– Нет, – многозначительно заметила Лера. – Потому что вы меня хорошо подготовили. Я подумала – почему бы мне и дальше не учиться дома?

– Исключено, – категорически заявил папа. – Отложим этот разговор до утра. Ты выспись, а утром, пока мы с мамой не встанем, подумай над физиологией проблемы. Ты не инвалид, слава богу, тебе незачем переходить к домашнему обучению и терять тем самым навыки выживания и личностного становления в коллективе.

В половине восьмого утра Лера стояла у кровати родителей.

– Мам! Пап! – монотонным голосом повторяла и повторяла она, пока зачумленные сном родители не сели, покачиваясь, с закрытыми глазами.

– Антоша укусил Артиста за лапу. Чем промывать?

– Промой ему рот марганцовкой, – пробормотала мама Валя и упала на подушку.

– Артисту чем лапу промыть? Он хромает.

– Антоша хромает? – папа Валя открыл глаза.

– Ты проснулся? – уточнила Лера. – Я уже подумала над физиологией.

– Молодец, иди еще подумай, – пробормотала Валентина.

– Я не могу ходить в школу и вообще не могу долго находиться в большом количестве людей, – заявила Лера.

– Почему? – Папа Валя посмотрел на нее измученными глазами.

– Потому что они воняют.

В спальню вошел Антоша и, пыхтя, долго протаскивал сквозь прутья детской кровати плюшевого дракона. За ним пробрался Артист. Повизгивая, он влез на кровать к взрослым и затаился.

– Кто воняет? – спросила Валентина.

– Все люди воняют, – уверила ее Лера.

– Давай без утреннего экстремизма, ладно? – скривился папа. – Употреби синонимы.

– Все люди плохо пахнут, – употребила синоним Лера.

– А теперь обрисуй проблему с учетом осознания своего места в социуме. – Валентин сел, свесил ноги и попытался достать халат из кресла.

– Все люди пахнут по-разному, и я пахну, мой запах тоже может для кого-то вонять. – Лера подала ему халат. – Но многие ведь просто ничего не замечают, а я слышу запахи, и мне от них становится плохо.

– Какой кошмар... – пробормотала Валентина, натягивая на голову одеяло.

– Это точно, – согласился папа Валя. – Заметь – в ее доводах сегодня бездна логики и конкретный умысел! А умысел предполагает что?

– Некоторое осознание последствий содеянного, – отозвалась из-под одеяла мама Валя.

Минут пять родители обсуждали поведение дочери, не обращая внимания на ее присутствие. Лера узнала, что ребенка, который из своих «не совсем корректных» поступков логически выстраивает целый ряд обоснованных действий, а потом еще добавляет к этому ряду физиологическое объяснение цели, можно назвать... упорным. Лере не понравились лица родителей, когда они пришли к выводу, что она... упорная.

– Вы сейчас употребили синоним, чтобы меня не смущать? – спросила Лера.

– Сегодня вечером перед сном мама тебе вкратце обрисует пользу и вред упорства в эволюции человечества, – пообещал папа.

– Да?... – высунула голову удивленная Валентина. – Какие у тебя масштабные планы на мой счет!

– Пожалуй, еще рано объяснять ей истоки религиозных войн и философию фашизма, хотя... – задумчиво заметил папа и спрятался за кресло от брошенной в него Валентиной подушки. – Ладно, просто ограничься объяснением разницы между упорством в достижении цели и фанатизмом.

Перемены

Через полтора месяца после происшествия в школьной столовой, когда старшеклассники угорали в подготовке к экзаменам, а родители учеников четвертых классов праздновали мини-выпускной (к пятому классу в этой школе дети перераспределялись по уровню полученных оценок), родители Валерии Одер имели весьма неприятную беседу с завучем.

Им было предложено перевести своего ребенка в другое учебное заведение. Сделано это было очень тактично: по итогам тестирования и оценок за курс начальной школы Лера направлялась в так называемый «лицей для одаренных детей» с самыми лучшими рекомендациями.

– В лицее дети получают самое всестороннее образование и в сфере искусств, так что Валерии придется первые два года находиться там по двенадцать-тринадцать часов в день, поскольку она не имеет начального музыкального образования и танц-класса – придется наверстывать упущенное. Но ваша девочка преодолет любые трудности, любые! – со сладкой стержевностью в голосе убеждала завуч опешивших родителей.

Капустины, даже не обсудив с Лерой свалившееся на их головы счастье (по направлению из других учебных заведений дети в этом весьма недешевом лицее обучались бесплатно), категорически покачали головами: никак невозможно! Все свободное время после уроков Лера занята присмотром за младшим братом. Кроме того, лицей находится в центре Москвы, то есть в экологически неблагоприятном районе, да и каждодневные поездки туда на метро, переходы...

– Очень грустно это слышать, очень, – пожирала завуч глазами таких нерадивых родителей. – В трудное для страны время, во время становления новых экономических и моральных основ, родители должны уделять все силы воспитанию и образованию ребенка, а не делать из него домашнюю прислугу или няньку.

– Спасибо большое за заботу о нашем ребенке, – сказали Капустины.

И завучу пришлось выдвигать «тяжелую артиллерию». Она напомнила родителям Леры, что девочка два года назад сменила не только фамилию, но и адрес проживания! В школу принималась Валерия Капустина, проживающая в пределах границ административного округа. А поскольку в данный момент все изменилось... Количество учеников пятых классов дошло до предела разрешенного, приходится в первую очередь устраивать детей по территориальному признаку, так что пусть «господа Капустины» будут готовы к тому, что на их заявлении с просьбой принять дочь в пятый класс общеобразовательной государственной школы 1102 будет стоять отказ по причинам, только что озвученным.

Папа и мама Капустины, конечно, помнили, что два года назад Элиза настояла на том, чтобы прописать внучку у себя, в пятикомнатной квартире на Ордынке, и дать ей свою фамилию – Валентина в девичестве была Одер. Но таких последствий исполнения «каприза Элизы» – как это называл папа Валя – они, конечно, не ожидали.

– Ты заметил, что в последнее время во всех неприятностях ты обвиняешь мою мать? – задумчиво сказала Валентина, когда Капустины вышли на школьный двор перевернуть информацию.

– Элиза в таких случаях говорит, что мужчина – существо примитивное, кого ему еще обвинять во всем, если не женщину? – с грустной улыбкой парировал папа Валя.

– Может быть, все-таки спросим Лерку? Вдруг ей понравится в лицее. А Антоше няню найдем, – задумалась Валентина.

– Ну да, – усмехнулся Валентин. – В этом лицее из окна площадь Красная видна! Представляешь, какое письмо может получить по электронной почте Управление делами президента? О пробках на дорогах, например, во время выезда из Кремля наших руководителей.

– Ты все шутишь, но проблему-то надо решать. Как это ни парадоксально, но нас только что выгнали из школы! Мы-то, наивные, совсем не верили в исполнение Леркиного умысла.

Проблема решилась сама собой после августа. Это был девяносто восьмой год. За две недели до обвала рубля Элиза предложила зятю после его удачной сделки поменять весьма серьезную сумму в «деревянных» на доллары. И выслушала пространное объяснение о пользе патриотов в своем отечестве. По словам Валентина Капустина, человек, не поддерживающий банковскую систему своей страны, не может считать себя патриотом. Это означало, что папа Валя положит деньги в банк. Может быть, в несколько банков – он не дурак и все помнит о яйцах и корзинах. Папа Валя так и сделал.

– Вот же змея! – воскликнул Валентин, узнав об обвале рубля. От обиды на жизнь, от восхищения и ненависти к теще у него к вечеру поднялась температура.

Баба Яга

У мамы Муму отпуск был в августе, она сменила Элизу на даче, куда Капустины вывезли детей.

В хлопотах о заболевшем муже Валентина совсем забыла о проблемах со школой. К началу сентября Лера все еще не была пристроена.

Именно в это время маленький Антон и приобрел привычку теряться. Капустины заплатили соседке по даче за присмотр и готовку еды. Валентина моталась туда-сюда и за остаток того дачного лета заплатила первой сединой и проступающей в волнении невняtnостью речи.

Как-то поздно вечером соседка позвонила и сказала, что «пацана нигде нету, совсем нигде».

К часу ночи подъехавшие Валентин и Валентина с мамой Муму в три фонарика обшарили окрестности. Толку от этого было – ноль, ночь стояла совершенно темная, кусты оказались непролазными, и через полтора часа поисков, переругавшись, взрослые вернулись в дом с твердым намерением звонить в милицию.

Они в который раз попробовали добиться объяснений от Леры, но, к своему удивлению, в который раз получили в ответ нечто странное.

Испуганная девочка на расспросы: «Что было после ужина?» – отвечала одно и то же: «Братика унесли гуси-лебеди». Откуда взялись эти самые гуси-лебеди? Они еще вчера прилетели на пруд. Антон ходил на них смотреть. Лера отвернулась на одну секунду, а Антон уже улетал на гусе. На вопрос: «Куда же он мог улететь?» – Лера ответила, как само собой разумеющееся: «К Бабе Яге, конечно, это же ее гуси-лебеди».

Когда девочка стала уверять родителей, что до утра Баба Яга не станет растапливать печь, чтобы засунуть в нее Антона на лопате – поэтому у них еще есть время, – отчаявшиеся Капустины пошли посоветоваться с мамой Муму.

Маруся сидела на лавочке у своего дачного домика и курила. Ее аккуратная бревенчатая избушка стояла как раз на соседнем с Капустиными участке.

– Доигрались? – спросила она весело. – Видели, что Лерка читает на ночь маленькому? Русские народные сказки! От таких сюжетов и взрослый сбрендит, если, конечно, умные родители не сделают ему прививку лет в пять. Курочкой Рябой какой-нибудь или Колобком, к примеру. Хотя... Его тоже сожрали в конце. А вы что читали девочке в пять лет? Энциклопедию!

– Сейчас не время для укоров, – заметил папа Валя. – В отношении к сказкам большую роль играет воображение. И я надеюсь, что так называемые прививки нами уже сделаны. Мы давно объяснили девочке разницу между условным и реальным восприятием окружающего мира.

– Вот же придурки, – беззлобно заметила Маруся, затягиваясь и прожигая влажную темень огоньком сигареты.

– Я не понимаю, что дальше делать? – прошептала в панике Валентина.

– Думать, – посоветовала Маруся. – Давайте пойдем от обратного. Что делает ночью изрядно набегавшийся на свежем воздухе ребенок?

– Спит, – уныло констатировал папа Валя.

– Вот и отлично. – Маруся загасила окурки и теперь стала определима только по голосу. – Теперь подумаем – где он может спать?

– В багажнике машины похитителей, – прошептала Валентина. – Где-нибудь на пути в Африку!

– Наверное, тебя Элиза в детстве напугала страшилкой Чуковского, – поставила диагноз Маруся. – А если не в багажнике? Куда пойдет трехлетний мальчик и заснет там потом, не сумев выбраться в темноте? Туда, куда ему ходить не разрешают, – ответила она сама себе и встала. – У кого еще не погас фонарик? Я – в подвал, вы – на чердак. Если не найдем, встречаемся в сарае с садовым инструментом.

– Ему еще нельзя было заглядывать в колодец, – стучала зубами Валентина.

– Колодец и нужник первым делом обследовала ваша соседка. Пока еще не совсем стемнело. Я спрашивала. Местные жители в этом плане имеют свой грустный опыт поколений.

Лера пошла с Марусей в подвал. Они нашли Антона у старой топки, которой пользовались, пока не провели газ. Мальчик спал на досках, забравшись под телогрейку, он весь поместился под нею, поэтому соседка его и не нашла вечером. Сверху на телогрейке пристроился Артист, который при виде людей слегка помахал хвостом.

– Нужно было искать собаку, – вздохнула Лера.

– Видела я вашу собаку на телогрейке в подвале, – удивлялась соседка. – Я и подумать не могла!..

– Баба Яга... – громко проговорил Антон, пока его, спящего, несли наверх.

Медведь

На второе исчезновение Антона взрослые тоже приехали втроем. По телефону соседка сказала, что Лера говорила что-то о медведе с большой корзиной.

– Высоко сижу, далеко гляжу, – вздохнула Маруся, разминаясь возле дома после поездки в автомобиле. – Тут и думать нечего – чердак.

Оказалось, что к люку чердака не подставлена лестница.

– Я потому туда и не посмотрела. Лестница-то не стоит! – объясняла соседка.

Лестница лежала вдоль стены в мансарде. Но сверху раздавался лай Артиста...

Потом Лера объяснила, что это она перетащила в сторону валяющуюся на проходе лестницу. После недолгого и на удивление спокойного выяснения странных обстоятельств – лестница упала, вероятно, уже после того, как Антон затащил на чердак собаку и залез сам. Например, от его последнего неосторожного движения ногой... Как же он смог тащить вверх спаниеля, который на задних лапах как раз с него ростом получается? Дело происходило днем, но все вдруг начали зевать, может быть, не столько от желания спать, сколько от нервного переутомления после разрешившейся благополучно ситуации с похищением мальчика медведем (тот унес его в коробе за спиной). Поэтому предположение, что Артист сам вскарабкался на чердак по почти отвесной лестнице, а потом откинул ее задними лапами, устроило всех.

– Уже середина сентября, – заметила Маруся за ужином у Капустиных. – Что там у вас со школой?

– Полный беспросвет, – созналась Валентина.

– Мне работу искать надо, у меня нет возможности еще и школу подбирать, – перешел к обороне Валентин.

– Я могу в этом году вообще не учиться, – решила всех порадовать Лера. – Я же закончила начальную школу на год раньше остальных.

– А это мысль! В раннем возрасте разница в один год заметна, Лерка может не вписаться в коллектив старших на год детей... – начал было радостно объяснять Валентин, но потом под взглядами женщин стушевался и умолк.

В кухню забрел проснувшийся к вечеру Антоша. Подошел к Марусе, оперся о ее колени, зевая. Соседка Анна задумчиво посмотрела на мальчика.

– А вот идет-ка, я тебе чего покажу, – позвала она Антошу.

Он поднял голову, посмотрел на Марусю. Та кивнула.

Во дворе было темно, Антоша сильнее сжал ее ладошку. Женские пальцы в его руке ответили успокаивающим пожатием. Сквозь замаскированный в кустах проход они вышли на участок Анны Родионовны и огородами спустились к небольшому пруду возле бани. Пруд Анна Родионовна завела специально для гусей и уток, в этом году на него присели отдохнуть перед долгой дорогой дикие гуси. Начался переполох, и Анна Родионовна даже слегка испугалась, видя, как своя, домашняя птица рвется в небо за дикими собратьями, судорожно напрягая в бессильных потугах подрезанные крылья.

Прошли пруд. Антоша уже оглядывался на горящие окошки своей дачи. Анна остановилась:

– Прибыли. Видишь чего?

Антоша огляделся:

– Не-а...

– Правильно. Потому что спрятано все как *следовало*. Даже соседи не знают – ни одна воришка не залезет! – она стукнула носком мужского стоптанного башмака по хорошо замаскированной наклонной деревянной дверце. – Это мой летник. Погреб то есть. Считай, до

конца июля тут лед лежит и не истаивает, прохлада. А зимой никогда не бывает мерзло. Тут уж *запрятаешься так запрятаешься!* Ни одна душа живая не сыщет. Сейчас глянешь или утром придем? – Она открыла деревянную дверь.

Та скрипнула, обнаружив за собой темный вход, как в большую нору. Потянуло влагой и грибным духом. Антоша в испуге шагнул назад, а Анна, пригнувшись, вошла внутрь и чиркнула спичкой, зажигая керосиновую лампу. На огонек и Антоша шагнул за нею. Пока Анна надевала стекло, язычок пламени рвался от сильного сквозняка.

– Какой продох хороший! – кивнула Анна. – С того конца труба наверх выходит для воздуха. Ну? Чего тебе здесь нравится?

Антоша огляделся. Спустившись вниз, они могли стоять в землянке во весь рост, только Анна кое-где касалась макушкой укрепленного бревнами потолка. Стены тоже были закреплены, изнутри землянка напоминала длинную узкую комнату с полками. По-домашнему светился на полках разноцвет – банки с консервами, от пламени керосинки сразу заалели сквозь стекло бока помидоров. В конце комнаты земляной пол уходил вниз, потом обрывался у ямы, в которую насыпью была скинута картошка и свекла. Анна и это показала, приоткрыв одеяло над овощами.

– Мне вот это нравится, – показал Антон на ящик с яблоками.

Между зелеными крутыми боками симиринки, прикрытыми сеном, лежала игрушка – деревянная птичка с длинным поднятым хвостом.

– Ну ты хват! – одобрила Анна, вытирая птицу подолом юбки. – Глянь-ка сюда, видишь дырочку? Это свистулька. Подуй в дырочку.

Антоша подул. Раздался тягучий звук. Он подул сильнее. Звук стал звонче. Довольный Антоша зажал птичку в руке и поднял к Анне счастливое лицо.

– Вот и я говорю! – радостно кивнула та. – Где еще лучше прятаться? Залез сюда, лег на корзины, и спи себе.

Антоша с сомнением осмотрелся. Анна забрала у него птичку и положила на яблоки.

– И птица сгодится, если тут *полежится*, – заметила она. – Пока мы будем бегать тебя искать, знай дуди. И всем добро будет. Только уговор: никому!

– Никому... – прошептал Антоша, подумал и уточнил: – И Лере нельзя?

– Да она знает, если не забыла. Лазила сюда маленькая. – Анна взяла мальчика за руку, и они стали подниматься вверх по трухлявым ступенькам. – И всем добро будет, – бормотала Анна, – а по чердакам да по подвалам лазать... Не дай господи...

Она перекрестилась. Антоша повторил ее движения. Анна посмотрела на мальчика и провела тяжелой рукой по его темным волосам.

Козленочек

В начале октября, когда легкий морозец уже схватывал опавшие листья и замораживал тонким стеклом воду в бочке, соседка с дачи позвонила Валентине, когда та только вернулась в Москву.

– Забыла сказать, дров-то у вас маловато к зиме, – пространно начала она. – Если тут зимовать будете, нужно подумать, где их взять. Дрова, они же еще высохнуть к топке должны.

– Да-да, конечно... – пробормотала вымотанная дорогой в электричке Валентина. Она сама за руль не садилась. Когда папа Валя был занят (а занят он в последний месяц был ежедневно – поиски работы), то ездила на электричке.

– Значит, заказывать? – спросила соседка.

– Да-да, конечно... Подождите! – пришла в себя Валентина. – Не будем мы зимовать. Мы на следующей неделе выезжаем.

– Этих неделей с отъездами уже четыре было, – тактично напомнила соседка.

– Минуточку! – совсем пришла в себя мама Валя. – Какие дрова? У нас же отопление газовым котлом!

– Так ведь сломался он. Опасно с ним стало – тухнет без присмотра. Я вашему мужу говорила в последний приезд.

– И что он сказал?

– «Да-да, – сказал, – конечно». А котел менять – это подороже дров будет. А то и оставайтесь. Еще на зиму можно и ко мне переселиться, опять же, я вашу Лерочку прясть научу. А то она совсем мается от безделья. Сядет у окошка, смотрит на дождь, а глаза совсем незнакомые становятся. Пацан ваш, наоборот, сильно шустрый стал, – подобралась она к главному. – Опять потерялся.

– Когда? – удивилась Валентина.

– Да вот как вы уехали, так и потерялся. Часа три тому, – Анна зажала трубку рукой, чтобы на другом конце не была слышна ее просьба, уже в который раз за последний час скороговоркой слетевшая с губ: – Спаси и сохрани, господи, совсем ведь неразумный еще...

Она немного подумала, зажимая трубку, и не сказала, что Антоша за неделю дважды прятался в погребе и свистел там в свистульку, пока ему не надоедало или пока фонарик не садился – керосинку ему брать запрещено. И, конечно, она не сказала, что сегодня уже три раза бегала в летник в надежде отыскать мальчика.

– Анна Родионовна, вы слушаете? Дайте трубочку Лере, – попросила Валентина.

– Он стал козленочком, – сказала в трубку Лера. – Утром съел льдинку из лужи. Я ему говорила – не ешь, козленочком станешь. Он не послушался.

– Лера, позови к телефону Антошу, – попросила мама Валя.

– Не могу. Он в сарае теперь стоит. Мекает.

Трубку взяла соседка.

– Истинная правда, – уверила она, – в сарае у нас теперь стоит козленочек, невесть откуда взявшийся!

– Анна Родионовна!..

– Можно просто Аня, – перебила соседка. – Не такая уж я и старая, чтобы сразу – Родионовной...

– Анна, спасибо вам за заботу о моих детях, – от души поблагодарила Валентина, радуясь, что с детьми находится такая чуткая, хорошо понимающая их игры женщина.

На следующий день она добралась на дачу только к сумеркам. Шел дождь. Выгрузив покупки, Валентина прошлась по дому, поправила ногой задревший домотканый половинок, выбросила из вазы увядшие цветы и спросила у застывшей возле темного окна Леры:

– А где Антоша? Что так тихо?

– В сарае.

Валентина набросила дождевик и вышла во двор. В сарае горела слабая лампочка. На кучке сена, грациозно поджав под себя передние ножки, лежал белый козленок. Валентина бросилась в дом, потрясла Леру за плечи:

– Где Антон, я тебя спрашиваю?!

– В сарае.

Валентина решила никому не звонить, пока с керосиновой лампой не проверит уже знакомый маршрут: подвал, чердак, сарай для инструментов. О выгребной яме и колодце она старалась не думать. Начала с сарая. Еще раз посмотрела на козленка, потрогала его лобастую голову. Козленок шумно вздохнул – как ей показалось, с радостью – и ткнулся в коленки. В этот момент в открытую дверь вошел совершенно мокрый и дрожащий Артист и тихонько заскулил. Сердце Валентины тут же провалилось вниз, к коленкам, и запульсировало там толчками, а верхняя часть тела – голова, плечи и грудь – стала холодеть.

В подвале и на чердаке она перевернула все корзины, заглянула под все доски и тряпки. Когда, пошатываясь, Валентина вернулась в дом, позвонил папа Валя и возмущенно спросил, все ли у них в порядке?

– Не совсем, – нашла в себе силы спокойно ответить Валентина.

– Ну и отлично, а то мне позвонили из милиции, сказали, что к ним привезли мальчика, который называет себя Капустиным Антоном.

На следующий день Леру и Артиста увезли с дачи. В доме закрыли ставни, навесили замки, перекрыли газ. Соседка увела козленка к себе.

– Надо же, как получилось, – объясняла она ему, поглаживая чесавшийся от пробивающихся рожек лоб, – пацан небось пошел за мамкой, когда та уезжала, а по дороге к станции его кто-то подобрал и сдал в милицию.

Антоша Капустин еще несколько дней вдруг принимался мекать, скакать, подпрыгивая, и делать указательными пальцами рожки на голове.

– Такая всесторонне развитая девочка, – задумчиво заметил папа, наблюдая прыжки сына, – и никакого воображения! Ты только подумай – ни-ка-ко-го!

– Абсолютно, – согласилась мама Валя, потом задумалась. – Может, это и к лучшему. Я в детстве придумала себе Каркозара. Я его так придумала, что сама стала бояться.

Потом Антоша все забыл. Большая старая книжка русских народных сказок осталась на даче.

Деньги

К декабрю папа Валя нашел работу. Теперь он требовал каждое утро свежую рубашку, а бывало, и в обед нагрет покусать, примет душ и еще раз переоденется. По пятницам в фирме, где он «потел, как проклятый», устраивали совместные вечера отдыха. Папа Валя уверял жену, что не пойти нельзя, но когда эти вечера из боулинга переместились в дорогие сауны, стал приходить домой уже в обед, объяснив сослуживцам свой отказ от раскрепощенного отдыха неприятием всего общественного – бассейна, транспорта, бань, туалетов и женщин. И вот как-то после Нового года папа Валя отдохнул дома, осмотрелся и обнаружил, что Лера все еще не ходит в школу.

Он долго пытал Валентину, как же такое могло получиться в их благополучном семействе и чем жена занималась все то время, пока он искал работу. Валентина, сама несколько обескураженная создавшимся положением, с трудом подбирала слова для объяснения. Они уже перешли в выяснения обстоятельств к той грани, за которой подстерегает скандал с обидами, но вовремя остановились, обнаружив в своих доводах один неоспоримый факт: Лера взяла на себя решение многих проблем. Она просыпалась утром вместе с жаворонком Антошей (иногда в пять с минутами), чем-то его кормила (оказалось – родители совершенно не в курсе, чем) и к моменту, когда папа Валя сонный бросался в ванную под бодрящий душ, уже выводила на утреннюю прогулку ребенка, прицепленного поводком к собаке. Собаку она тоже кормила сама, и тоже – неизвестно чем.

Не сговариваясь, Капустины осмотрели содержимое холодильника. Был обнаружен пакет, в котором находились две упаковки йогурта, шоколадный крем со сливками (производства Швейцарии), печеночный паштет и два персика, таких непогрешимо прекрасных, что они казались бутафорскими.

На полке в кладовке папа Валя нашел упаковки с сухим собачьим кормом и собачьи консервы в количестве шесть банок.

Мама Валя, скармливающая Артисту объедки со стола и уверяющая других собачников во дворе, что ничего лучше и быть не может – посмотрите, как лоснится его шерсть! – испытала состояние шока, когда взяла лежащую рядом с банками упаковку сухой смеси – витамины, костная мука, органические и минеральные добавки.

Решено было немедленно выяснить, где Лера берет на все это деньги.

– В кошельке, – пожалала плечами девочка. – Когда я иду в булочную, мама говорит: «Возьми деньги в кошельке на тумбочке».

– И это называется, ты считаешь каждую копейку! – упрекнул жену папа Валя. – Вчера на завтрак у тебя не нашлось для меня пары яиц!

– Их не нашлось, потому что в магазине нет яиц! Нет их, понимаешь? Яйца – дефицит!

– Я купила три яйца на рынке, – вступила Лера. – Настоящие, деревенские. Можете съесть одно. А два – нам с Тошкой. Ребенок должен каждый день съесть по тридцать граммов сливочного масла, яйцо, фрукты, творог и кусочек мяса.

– С понедельника я бросаю все свои силы на поиски школы, – зловеще пообещал папа Валя.

– Тогда поищи заодно и няню, а также домработницу. У меня заказ, – злорадно объявила мама Валя.

Они пошли в кухню за стол переговоров. Папа Валя взял бумагу и ручку, чтобы разбить на сектора день и выяснить, что каждый из них делает в этих секторах. Результат подобного исследования потряс родителей. Рано утром Лера уходила с братом и собакой гулять. Как раз в то время, когда папа Валя метался по квартире, опаздывая на работу. Возвращались дети в половине десятого. Как раз в то время, когда мама Валя, убрав последствия утреннего

смерча, собиралась в магазины или в свою «контору», как она ее называла. Валентина устроилась работать фотографом на полставки и к обеду уже возвращалась домой, если не было заказов на срочную съемку каких-нибудь торжеств или похорон. В это время Лера, накормив обедом Антона и уложив его спать, обычно или читала, или чертила с исступленным упорством набор геометрических картинок тушью, или сидела за компьютером, и все это вполне устраивало Валентину, потому что в квартире было чисто и тихо. К пяти часам дети с собакой опять уходили на длительную прогулку, за компьютер садилась Валентина и обрабатывала фотографии по дорогим заказам – с помощью компьютерной графики и совмещения с фрагментами картин известных художников она создавала портреты в разных стилях.

К ужину вся семья собиралась вместе, Антон переключался на родителей, а Лера...

– Что она делает по вечерам? – спросил папа Валя.

– Не помню, – задумалась мама Валя. – Чаще всего уходит к Марусе. Или к подружке. Нет, подожди, она, наверное, просто сидит дома и смотрит телевизор. Позавчера вы с нею ходили на выставку.

– Дожили! – ужаснулся папа Валя. – Мы не знаем, чем наша дочь занята вечерами!

– Ужас не в этом, – заметила Валентина, – ужас в том, что в этих твоих секторах нас нет. Никакая няня не согласится на такой труд. Лерка выстроила для Антоши идеальные условия жизни.

– Мне не нравится идея с посторонним человеком в доме. Лера должна доучиться в школе, а Антошу можно отдать в детский сад, например, – заметил папа и отвел глаза. – Условия выживания в социуме очень важны для формирования в человеке защитных реакций и адекватного их использования.

– В смысле? – скептически хмыкнула мама Валя.

– В смысле – как бы мы с тобой ни хотели приучить его противостоять грубой силе или добиваться справедливости любой ценой, это возможно только в коллективе посторонних людей. Родители не в состоянии обеспечить нужный уровень давления и унижения, а ребенок не в состоянии им открыто противостоять.

– Ты говоришь о детском саде? – уточнила Валентина. – Грубая сила и унижения постороннего коллектива – это ты о поведении детей в детсадовской группе? А воспитатели, соответственно, паханы, или надсмотрщики? Поздравляю! Твои надежды на становление личности в соцприемниках, начиная с яслей, детских садов, потом – пятидневка в школе, приобретают некоторый потаенный запашок армейской дедовщины и тюремной дисциплины. Зачем тогда вообще нужно было рожать детей, если мы не в состоянии привить им навыки выживания достойными методами, без соцприемников, армии и тюрьмы?!

Валентин согласился с женой, но лишь частично, поскольку, по его мнению, условия выживания диктуются реальными пристрастиями общества, а в данном периоде истории России – это деньги и власть.

– Я не пойду в школу, – решила поучаствовать в обсуждении Лера, пока родители не соскочили с темы. – Если вы меня запишете куда-нибудь, я буду прогуливать, пропускать занятия и совсем подорву нашу жизнь. Когда ты зарабатываешь много денег, ты можешь отослать меня учиться в Англию, в театральную школу. Я подожду.

– Лерка! – очнувшись от рассуждений о судьбе России, поразился папа Валя. – Ты хочешь стать актрисой?

Только он собрался, подобрав убедительные выражения, объяснить, что актриса без воображения – мечта совершенно неосуществимая, к тому же наличие таланта...

– Я не хочу стать актрисой, – перебила его потуги Лера, – я буду художником по костюмам и оформлению сцены.

– Здесь не обошлось без влияния Элизы! – нашел виноватого папа Валя.

– Успокойся, такие деньги тебе не скоро удастся заработать, – подлила масла в огонь Валентина.

– Ну что ж, – философски заметила Валерия, – я попробую заработать сама.

– А разве для того чтобы придумывать костюмы, не нужно воображения? – засомневалась Валентина, естественно, проигнорировав слова дочери о заработках.

– Совершенно не нужно, – уверила ее Лера. – Нужны качественные знания по истории костюма и геометрии и чувство стиля. Хороший костюм на сцене – это геометрически правильный образ, не более того. Показать?

Через полтора часа разглядывания чертежей Леры родители вынуждены были признать: любая одежда – не что иное, как правильное оформление индивидуального силуэта, и из треугольников, трапеций, цилиндров и тому подобного можно составить самые разнообразные образцы этого самого оформления. Как оказалось, оформление сцены, как и создание картины или фотографии, требует прежде всего рассчитанного заполнения перспективы. Сцена – тот же кадр, компоновка предметов и фигур в нем требует знания геометрии и золотого сечения. А на потребу тем зрителям, которые в созерцании предпочитают отсутствие естественного равновесия и хаос, можно добавить несколько ярких цветовых пятен или эпатажно открытую натуру. Вот и все мастерство оформления одежды и сцены по представлению Валерии Одер.

– Мне, в общем-то, в Англии учиться хочется только из-за одного-единственного человека, – заметила девочка скромно. – Это известный режиссер. Он обучает правильному расположению объектов на рисунках и на сцене, он единственный такой мастер цвета и составления предметов и фигур в замкнутом пространстве.

– И кто же это? – естественно, поинтересовались обалдевшие родители.

– Как? Вы не знаете? У вас есть большинство его фильмов. Это Гринуэй. Представляете, этот режиссер многие сцены из своих фильмов сначала рисовал, а уже потом выстраивал, убедившись в идеальном оформлении и уравновешенном состоянии фигур каждого кадра.

– Гринуэй... Гринуэй – это же?... – задумался папа Валя, потом в ужасе посмотрел на жену. – Это же «Дитя Маккона»!

– И «Книги Просперо», – кивнула Валентина. – Тебе не разрешено брать кассеты из нашей спальни! Какие ты еще трогала? – завелась она.

– «Отсчет утопленников» я взяла в прокате, – тихо заметила Лера. Потом подняла глаза на родителей и решительно повинулась: – Элиза дала мне прочесть краткий курс оформительского мастерства, там об этом режиссере много написано, он единственный такой. Поспрашивайте у своих знакомых «Уроки рисовальщика», нигде не могу найти, и в прокате нет.

В этот вечер Лера не читала сказку Антоше – он заснул за столом с чертежами. Родители не проводили вечернюю беседу с дочерью – они без сил свалились в постель, совершенно зашибленные осознанием того, что стиль – это не более чем правильный подбор двухмерных и трехмерных геометрических фигур.

– И привязка к золотому сечению... – шептал папа Валя.

– И правильная компоновка в кадре... – соглашалась Валентина, засыпая. – И это она говорит мне?!

– «Уроки рисовальщика» наверняка полный разврат, – зевнул Валентин.

– Правда?...

На следующий день – это было воскресенье, около девяти утра – их разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. Спрашивали, не потеряли ли они Валерию Одер, десяти лет, проживающую...

Папа Валя разбудил маму Валю, и они пошли в детскую. Там детей не оказалось.

– Спокойно, – уговаривала себя Валентина, – это Антошка теряется, а Лера не теряется!

Они побрели в кухню, но по дороге услышали шум. Распахнули двери гостиной. Антошка сидел на ковре и играл с пластмассовым конструктором. Рядом с ним сидел совершенно незнакомый мальчик и самозабвенно разбирал на части коллекционную машинку папы Вали. Это была «Феррари» восемьдесят первого года – сувенир из Италии, двенадцать сантиметров длиной, с открывающимися дверцами, работающими дворниками и полным набором внутренностей в уменьшенном варианте.

– А где Лера? – почему-то шепотом спросила Валентина.

– А я это... Вместо нее, – заявил мальчишка лет двенадцати, вставая и загребая некоторые части «Феррари» ногой под ковер. – Вот, привел вашего малого.

– Куда... привел? – папа Валя все еще не мог отцепиться глазами от раскуроченного автомобиля.

– Домой, куда же! Я что, не туда попал? – озаботился мальчишка, достал из кармана ключи со знакомым Капустиным брелоком, потряс ими, улыбнулся во весь рот и уверенно заявил: – Не, так не бывает, чтобы ключи подходили. Это ведь Валеркина квартира?

– Какого... Валерки? – прошептала мама Валя.

– Очнись, он говорит о нашей дочери, – обнял жену папа Валя.

– А где наша дочь? – безумными глазами посмотрела на него Валентина.

– Да она в ментовке, не волнуйтесь, – успокоил мальчишка. – Они вам позвонят, скажут, куда приехать. Вы *exайте* туда сразу, а можете и не торопиться, ментам на пользу нервы потрепать.

– Как это? – не понял Валентин.

– Ну как! По закону, они не имеют права задерживать несовершеннолетних больше двух часов.

Супруги Капустины заметались по квартире, пытаясь одеться. Антоша и мальчишка, сломавший «Феррари», с интересом наблюдали за ними. Через пятнадцать минут, полностью одетые для выхода на улицу, Капустины поняли, что обоим уйти не удастся – кто же останется дома с Антошкой?

– Да вы не бойтесь, *exайте*. Я присмотрю, – успокоил родителей мальчишка.

Валентина вынуждена была начать раздеваться.

– Вы там особо не рассусоливайте, – со знанием дела давал советы папе Вале мальчишка. – Когда Валерку увидите, громко спрашивайте – не причинили ей увечий или надругательств каких...

Папа Валя схватился рукой за притолоку.

– И домой сматывайтесь, вроде как вы рассердились сильно. А то они любят там воспитательные беседы проводить с черепками.

Проводив мужа, Валентина не отпустила мальчика сразу, а первым делом забрала ключи от квартиры и потребовала объяснений.

Через полчаса доверительной беседы она узнала, что Лера торговала газетами у метро, там ее «замели менты», она попросила отвести брата домой, для чего и дала ключи. Валентина узнала, что мальчик живет в соседнем доме и для него подобные конфликты с органами – дело вполне рядовое. Еще она узнала, что газеты нужно забирать в «точке» не позже шести утра, поэтому работает дворная команда сплоченно и по графику, в это воскресенье была Леркина смена забирать газеты.

– Она торгует газетами... – пробормотала Валентина в озарении.

– Ну да, я так и сказал. А что менты нас загребают регулярно, так это дело привычное. Приведут в отделение, посадят осторожно подальше от взрослых бандюг и звонят родителям. Мои черепки раз двадцать меня забирали. Ничего, обвыклись... По первому разу вам

и штраф не выпишут. Я вот только не просек, зачем она с утра поперлась торговать? – задумался мальчик. – Такие газеты лучше идут к вечеру, часиков с пяти, когда народ выползает гулять.

Какие – такие, Валентина узнала, когда пришли муж с дочерью.

Затолкав жену в спальню и прикрыв за собой дверь, папа Валя шепотом спросил, знает ли жена, чем занимается их дочь.

– Успокойся, я знаю, она торговала газетами.

– А ты знаешь, как называется газета, которую она продавала? – совсем раскипятился папа Валя. – «Еще», понимаешь? «Еще»!!

И Валентина только после пятого или шестого «еще» поняла, о чем речь.

– И что такого? – искренне удивилась Лера. – Не «Комсомольца» же таскать – он тяжелый. А эта газета в пять раз дороже, таскать меньше.

Позвонили Элизе. «Бабуля» приехала к обеду.

– «Спид-Инфо» грязней, – со знанием дела заявила она. – Потому что откровения свои прикрывает заботой о сексуальном образовании населения.

– Спидушник гораздо толще, его таскать тяжело, – кивнула Лера, соглашаясь.

После небольшой перепалки Элизы с родителями было решено с понедельника платить Лере, как квалифицированной няне, и не спрашивать потом, на что она тратит деньги. И никакой торговли на улице! Лера обещала не торговать, но выполнить договор с дворовой командой придется – дело чести. Еще три раза в этом месяце она рано утром занимает очередь за газетами на всю дворовую команду. Когда все понемногу успокоились и мама Валя даже предложила свои услуги по заниманию очереди «на всех» в пять утра, папа Валя попытался было провести поучительную беседу о пользе овсяных хлопьев и вреде шоколадного крема, но был остановлен внимательным, изучающим взглядом дочери.

Боль

В десять утра Маруся принимала роды. Она редко это делала, но случай был неординарный – роженица имела слабую физиологию, узкий таз и патологию сердечно-сосудистой системы.

К одиннадцати часам стало ясно, что ребенка не спасти. Женщина – не замужем, данных о родственниках в России нет. Осмотрев тщедушное, почти детское тельце роженицы, Маруся приняла решение. В половине первого Лиза понесла плод в соседний корпус к патологоанатому, а Маруся засела за писанину.

Она долго не могла сосредоточиться, рассматривала результаты анализов роженицы, вспоминала ее странные глаза – словно два растекшихся черных зрачка в узкой лодочке разреза. Женщина не кричала от боли, только тело ее гнало потом страдания. Никак не отреагировала она и на сообщение о мертвом ребенке.

«Боль отупляет», – в который раз подумала Маруся и назначила ей капельницу.

Маленькая женщина задремала с откинутой для иглы рукой и очнулась от того, что ее ощупывали. Она открыла глаза, и ужас, полыхнувший в них в первое мгновение, сменился отстраненным выжиданием.

У кровати стоял худой пожилой мужчина в белом халате и зеленой шапочке и слушал ее стетоскопом. Холодный кружок металла холодил грудь через тонкую рубашку.

– Извольте повернуться на правый бок, – попросил он после прослушивания и цапнул ее за левое плечо сильными пальцами, помогая.

Сжавшись, женщина слушала, как он проводит потом пальцами по позвоночнику, а дойдя до копчика, топчется там, буравя указательным, как будто что-то потерял.

– Благодарю.

Женщина легла на спину.

– Так-так-так, – бормотал старик, в азарте блестя глазами. – Вот так этак... вот как так... – Он провел пальцами по ее ребрам – как пересчитал, подумал о чем-то и ушел в озарении от догадки.

Женщина вздохнула и вынула иглу из руки.

Она рассмотрела свернутую пеленку, заправленную между ног. Понюхала ее. Осторожно встала и вышла в коридор. Дошла до поста медсестры. Попросила чистую пеленку. Вернулась в палату, разорвала ее на четыре части, свернула четыре прокладки. Из пакета в тумбочке достала трусики, надела их. Оставшиеся три прокладки спрятала под рубашку, закрепив их поясом казенного халата, а паспорт, небольшой складной нож, маленький кошелек и часы положила в карман.

Увлечения

В этот день Лере исполнилось одиннадцать, она пришла на работу к Марусе и сказала, что влюбилась.

– И кто же он? – отложила Маруся бумаги и с удовольствием потянулась.

– Дед Мороз, – ответила Лера.

Маруся задумалась. Она изо всех сил старалась представить себе хоть какое-то мужское начало в этом символе новогодних праздников, но у нее ничего не получалось. Наверное, из-за длиннополой одежды и бороды.

– Он идеальный мужчина, – пришла ей на помощь Лера. – Сама посуды. Все время приносит подарки. Рядом с ним ощущение праздника достигает эйфорического состояния исполнения желаний. Таких мужчин больше нет. Он один такой!

– Мне нравятся брюнеты с веселым хищным взглядом. А Дед Мороз – это какая-то абстракция... – задумалась Маруся.

В кабинет вошла женщина в халате и шапочке врача и молча села, мельком оглядев Леру.

Лера пошевелила ноздрями и резко встала. От женщины пахло смертью. Девочка отошла к шкафам с книгами. От страшного запаха тут же заняло в желудке.

– Как вьетнамка? – спросила женщина.

Маруся развела руками и вздохнула:

– Не думаю, что она когда-нибудь еще сможет родить. Что сказал Кошей?

– Что он может сказать? «Редчайший случай гомологии! Восхитительный экземпляр! Потрясающее скелетное сходство с ихтиостегом!» и так далее, – Лиза протянула снимки.

Маруся встала, укрепила их на экране, включила подсветку.

– Будешь оформлять, как преждевременные роды с аномалией? – спросила Лиза.

– Я не хочу никакого шума и тем более утечки информации. Меня не столько потряс скелет ребенка, сколько особенности его кровеносной системы. – Маруся задумалась. – Я с этой девочкой до маразма дошла – по сердцебиению получалась двойня, а на УЗИ – один ребенок!

– Подумать только, – зевнула акушерка, – приди эта вьетнамка в консультацию вовремя, и никаких проблем бы не было. Только ненормальная женщина приходит к гинекологу на шестом месяце беременности, да и то, когда уже боли начались. Ведь по УЗИ сразу определили аномалию, можно было бы ее вычистить до двадцати двух недель и без последствий, а теперь... С бумагами зароешься. Одно хорошо – нелегалка. В суд подавать не будет, нервы трепать.

– А разве можно делать аборт после двенадцати недель? – спросила Лера.

В кабинете наступила тишина. Женщины молча смотрели на девочку.

– Я хотела сказать, что душа после двенадцати недель уже появляется, – забормотала Лера, – и вообще...

– Это – твоя?... – засомневалась акушерка, подбирая слово.

– Это сестра Антона Капустина, – ответила Маруся.

Для Леры было странно услышать о себе такое определение.

– Значит, это ты нянюшка маленького Антоши? – прищурилась Лиза и вдруг спросила: – Где у тебя душа?

– Что? – опешила Лера.

– Покажи, где у тебя душа.

– Лиза, прекрати, – попросила Маруся.

– Нет, пусть покажет, мне интересно.

– Я вам не покажу, – отступила к шкафам Лера.
– Это почему же?
– От вас плохо пахнет.
– От тебя пахнет Кощеем Бессмертным, – кивнула Маруся.
– Я не маленькая! – возмутилась Лера. – Муму, хоть ты не доставай меня со сказками, и так дома прохода нет!
– А еще чем от меня пахнет? – прищурилась Лиза.
– Еще – водкой, – с ходу определила Лера.
– Лиза! – возмутилась было Маруся, но акушерка закричала, перебивая:
– Чего – Лиза? Да, выпила чуток! Я же здесь просто работаю и, кстати, до сих пор к подобному привыкнуть не могу! Не то что некоторые – получают удовольствие, снимки по два часа разглядывают. Ты еще вскрытие этой ящерице назначь!
– И назначу, – кивнула Маруся.
– Назначь, назначь!
– И назначу!
– Странные у вас с Кошеем увлечения, – вдруг резко иссякла и успокоилась Лиза. – Он очень хотел ощупать мамашу этого... – она показала на снимок. – Нет, в идеале, он бы, конечно, и мамочку вскрыл на досуге, повизгивая от предвкушения тайны... А знаете ли вы, девочки, ритм джаза?
Лиза стала барабанить по столу и кивать в такт головой.
– Тук-тук... Тук-тук. Сердце так же пульсирует. В ритме джаза. Тум-бум, тум-бум... Два тук-тук – предсердие, желудочек. А я ему не сказала, – Лиза хитро прищурилась и погрозила Марусе пальцем, – что у мамы этой ящерицы совсем другой стук сердца. Совсем... А ты себе в нос ватные тампоны засовывай, – вдруг переключилась она на Леру. – Иначе с таким носом никакой жизни не будет.
– А как у нее сердце стучит? – спросила Маруся.
– Тук-тум-бум, тук-тум-бум... – серьезно продемонстрировала Лиза, вставая и уходя. – Тук-тум-бум... Тук-тум-бум, – перешла она в коридоре на шепот.

Лера подошла к экрану.
– Это ребеночек такой? – она смотрела во все глаза на снимок.
– Он мертвый родился, еле мать спасли, – ответила Маруся.
– Не выключай. Покажи мне спину Антошки.
Маруся застыла с поднятой к розетке рукой.
– А что с его спиной? – попробовала было она слукавить, но Лера взяла ее ладонь и крепко сжала.
– Я думаю, аномалия какая-то, – уверенно заявила она.
– Ладно, – согласилась Маруся. – Я тебе несколько снимков покажу. Сравнишь, – она подошла к шкафу, открыла запертую тумбочку и принесла папку. – Вот лапка ящерицы, вот рука ребенка, вот крыло летучей мыши.
– Одинаковые кости! – восхитилась Лера.
– Вот позвоночник твоего брата.
– Это когда он родился?
– Нет. Это последний снимок, его делали три месяца назад. Костные наросты на лопатках не развиваются, не отслаиваются, просто увеличиваются в размере равномерно с ростом остальных костей.
– Но ведь это похоже... – Лера затаила дыхание. – Это...
– По костному рисунку больше всего похоже на сложенное крыло птеранодона.

– Птеранодон – это летающий ящер мезозойской эры, – Лера задумчиво посмотрела на Марусю. – А у Антошки по снимку больше похоже на сложенное крыло птицы.

– Скелетный состав птичьего крыла трехпалый. Тогда уж скажи – летучей мышью. У мыши хорошо видны все пять пальцев. Увлекаешься зоологией?

– Мне задали реферат об основных направлениях эволюционного процесса млекопитающих. Так, просмотрела кое-что в Интернете. Бабушка купила мне компьютер.

Маруся усмехнулась.

– Тяжело с Элизой? – спросила она.

– Сейчас тяжело стало. Ее последнее увлечение... – Лера замялась.

– Что такое? – присмотрелась к девочке Маруся. – Что там может быть? Негр из ночного клуба? Канарейки, черепашки, что?

– Она наняла сыщика, – решила Лера.

– Кого она наняла? – села Маруся.

– Элиза платит частному сыщику. Я нашла квитанции, позвонила по указанному там телефону.

– И почему это тебя так волнует?

– Вот... Волнует, – Лера прошлась по кабинету. – Она копает под папу.

– Копает? В каком смысле? Она хочет узнать что-то о Вальке? Это связано с его бизнесом? – забеспокоилась Маруся.

– Это связано с его биологическим материалом, – сказала Лера.

– Что ты называешь биологическим материалом? – перешла на шепот Маруся.

– Полотенце пропало.

– Ничего не понимаю, говори ясней!

– У папы пошла кровь из носа, он был на кухне, и я дала ему полотенце. У нас тогда была Элиза. На другой день я хотела загрузить вещи в стиральную машину. Полотенца не было.

– Ерунда какая-то, – встала Маруся и нервно стала мерить кабинет шагами. – Его могли выкинуть! Кровь трудно отстирывается, полотенце просто выкинули.

– Мусор выношу тоже я, – тихо заметила Лера, отойдя к окну, чтобы не попадаться под ноги Марусе. – Не выкинули. Муму, знаешь, что я сделала, когда нигде не нашла полотенце?

– Что? – застыла Маруся.

– Просто спросила у Элизы, зачем она утащила льняное полотенце в крови из папиного носа. Знаешь, что она ответила?

– Надеюсь, обошлось без мата? – вздохнула Маруся.

– Обошлось. Элиза сказала, что ей нужен биологический материал для некоторых исследований. Тогда я спросила, связаны ли эти исследования с оплатой сыщику. Элиза стала кричать, чтобы я не лазила у нее в ящиках письменного стола. Вот тут уже не обошлось без мата.

Маруся стала рядом с девочкой, обняла ее за плечи.

– Девчонка, – заметила она, – а займись-ка ты личной жизнью и наплюй на все. О чем мы вообще с тобой говорим?

– Мы говорили об увлечениях, – тихо ответила Лера. – Мне пора.

Она брела по коридору, понурившись. На подоконнике открытого окна сидела то ли женщина, то ли девочка – хрупкая и отстраненная – и кормила голубя. Голубь ходил кругами и опасно хватал крошки судорожным движением головы. При появлении Леры голубь улетел, а женщина слезла с подоконника и наклонила голову, сложив под подбородком ладони.

– Принцесса, – прошептала она в такой позе.

Лера осмотрелась. В коридоре они были одни.

– Не подарит ли мне принцесса кофточку и штаны, – продолжала шептать странная женщина с иссиня-черными волосами. – И курточку.

– Зачем? – удивилась Лера.

– Мне нужно срочно уйти из этого дома, – ответила женщина, не поднимая головы. – Башмаки мне бы тоже пригодились, уверяю вас, принцесса, на дорогах столько всего опасного для босых ног.

– Но я... – начала было Лера.

– А принцесса может надеть пока мой халат и тапочки, – легкий кивок головы. – Я в таких тапочках совсем не могу ходить.

Задумавшись, Лера посмотрела на крошечные ступни женщины в огромных потрепанных шлепанцах.

– Если принцесса не захочет раздеться, я ее порежу, – продолжила женщина, опустила одну руку в карман байкового халата с веревочками-завязками и вдруг достала оттуда складной нож. – Но принцесса добрая, она отдаст мне и кофточку, и штаны, и башмаки.

– Не отдаст, – заявила Лера, отступая к двери кабинета Маруси. – Ты воровка?

И тут женщина упала на колени и тихонько завывала.

– Я не разбойница, – сказала она, – просто мне нельзя больше здесь находиться. Мой ребеночек родился мертвым, приходил страшный человек, считал мои ребра и позвонки! Я хочу уйти, а меня не отпускают, потому что нет страховой карточки. И ребеночка не отдают. И одежду не отдают...

Лера моментально сбросила куртку, сняла через голову кофточку и стала расстегивать джинсы.

Через двадцать минут сидения на подоконнике ее обнаружила проходящая медсестра.

– Откуда? – спросила она. – Прием у заведующей закончен. Марш в палату!

Лера побрела за медсестрой. Шаркая тапочками, поднялась вместе с нею в лифте на третий этаж, потом пошла на шум и странную давку перед дверью, как оказалось – столовой. Лера вошла последней, получила стакан странного напитка. Выпила глоток, а остальное потихоньку вылила в раковину. Потом она подошла к посту дежурной медсестры и попросила разрешения позвонить домой. Разглядев Леру, медсестра вскочила, опрокинув стул. После расспросов – фамилия, возраст, когда поступила – медсестра вцепилась в правую руку Леры крепкой профессиональной хваткой и подняла тревогу. Еще через двадцать минут все медработники этого этажа, Маруся, Лиза и дежурный охранник, которого сюда привели для объяснений, стояли вокруг кресла, в котором Лера скучным голосом в который раз рассказывала, как ее раздела маленькая бандитка.

Спокойствие

Валентина пришла к Марусе и попросила померить ей давление. Маруся спала после обеда – был выходной день. На улице весна дурачилась всю – отряхивала лопнувшие сережки у тополей, все прохожие обчихались.

– Нормальное у тебя давление. Нижний показатель немного выше нормы. В общем – нормальное.

– Видишь, какая я спокойная, – бесцветным голосом заметила Валентина. – И разговариваю внятно. А то дело доходило до смешного – не могла двигать губами, язык отнимался. Я решила серьезно заняться своим здоровьем.

– И как ты им занялась? – Маруся пошла в кухню ставить чайник.

– Тренирую нервную систему. Теперь меня очень трудно вывести из себя. Даже давление редко повышается. Лучше всего у меня получается с начальником. Как бы он теперь ни изгалялся, у меня только сочувствия прибавляется, а расстройства – никакого.

– И что же ты для себя изобрела успокаивающего? – лениво поинтересовалась Маруся, сдерживая зевоту.

– Я представляю его в гробу.

– Что?...

– Лежит, тихий такой, серьезный, одинокий. Жалко.

– Что случилось? – замерла Маруся у открытой дверцы холодильника. – Сегодня выходной, тебя начальник на работу требует?

– Нет. Сегодня Антоша пропал. Давно не терялся, а сегодня куда-то делся.

– А что ему Лерка на ночь читает? – озаботилась Маруся.

– Я посмотрела. Сказки Гофмана она ему читает. «Крошку Цахеса».

– Про что это? – Маруся подошла, нащупала запястье у Валентины и замерла, считывая пульс.

– Это про уродливого ребенка. Который придумал, как сделать, чтобы его все любили. Не надо трогать мой пульс, все нормально. Антоша уже нашелся.

– Вот и отлично, – выдохнула Маруся и закрыла дверцу холодильника.

– На крыше, – уточнила Валентина.

– Как это? – села Маруся. – Там?... – она показала пальцем вверх.

– Да. На крыше двенадцатиэтажного дома. Стоял на самом краю. Зачем залез, знаешь? На небо посмотреть.

– Я думаю, Лерка здесь ни при чем, – покачала головой Маруся. – Крошка Цахес... Лера приходила ко мне на работу. Попросила показать ей рентгеновские снимки Антоши.

– Надеюсь, ты указала ей на дверь? – лениво поинтересовалась Валентина.

– Нет. Мы поговорили.

– А как вы назвали это? – наклонилась Валентина над подругой и уставилась глазами куда-то в пустоту. Марусе не удалось поймать ее взгляд. Валентина смотрела поверх ее головы в такую даль, куда Маруся побоялась бы даже мельком глянуть.

– Как вы назвали эти наросты на лопатках Антоши, которые своими окончаниями опускаются на ребра? – безжалостно продолжила Валентина.

– Крылья, – прошептала Маруся. – Мы только не определили точно, к какому классу они больше относятся, то есть... птица или летучая мышь... – Маруся взяла лицо Валентины в ладони и нашарила наконец ее глаза своими. – Она не могла ничего сказать мальчику, клянусь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.